

АННА БЛЕЙК

Я
РИСУЮ
АНГЕЛОВ

РАССЛЕДОВАНИЕ ВЕДЕТ АКСЕЛЬ ГРИН

Анна Блейк
Я рисую ангелов
Серия «Город убийц»
Серия «Расследование
ведет Аксель Грин», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69986806
Я рисую ангелов: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-160189-8

Аннотация

Чуть больше года проходит с момента ареста Инквизитора, и в Треверберге снова объявляется маньяк. Он убивает маленьких детей и возводит из них инсталляции, используя кровь в качестве краски. За специфичную технику его называют Рафаэлем. Детектив Аксель Грин берет это дело, еще не зная, насколько личным оно станет и сколько спрятанных в шкафах скелетов вытащит наружу. Опять.

Содержание

Часть первая. Ангел на снегу	5
1. Аксель Грин	5
2. Самуэль Мун	21
3. Аксель Грин	31
4. Аксель Грин	41
5. Аделия Ковальская	58
6. Марк Карлин	69
7. Самуэль Мун	85
8. Говард Логан	100
9. Аксель Грин	113
10. Сара Опервальд	123
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Анна Блейк

Я рисую ангелов

Даже самый длинный путь начинается с первого шага.

Спасибо, что была рядом на каждом из миллиона шагов.

Маме

© Блейк А., 2023

© ООО «Издательство «АСТ», 2023

Часть первая. Ангел на снегу

1. Аксель Грин

7:13 утра

4 апреля 2001 года

Аксель Грин, сжав зубы, стоял около кофейного аппарата. Сегодня он почти не спал. Сара снова кричала во сне. Он сделал ей укол, но так и не смог отключиться. Он никому не говорил о том, что до сих пор, в свои тридцать с небольшим, жил с матерью. И уж точно никому не говорил, что почти что шестидесятилетняя женщина ему не мать.

Он вырос в приюте Треверберга, к тринадцати годам совершенно не надеялся обрести семью, и когда узнал, что нянечка приюта, добрая и одинокая Сара Опервальд, добилась разрешения на усыновление, искренне удивился. Аксель не ждал ничего хорошего от этой жизни. Его родители погибли при странных обстоятельствах, когда мальчику исполнилось три. Как ему рассказали, скрипачка Габриелла Гринштейн и ее муж, ученый-микробиолог Дэвид Гринштейн, страстно любили своего единственного сына, пророчили ему громкую карьеру музыканта (у мальчика был абсолютный слух), но не успели услышать и первой ноты в его исполнении. Они разбились в автокатастрофе на пустой сухой дороге в три часа утра. Куда они ехали и зачем, почему вылетели на мост, каким образом врезались в фонарный столб – этого не знал никто. Объявили несчастным случаем и забыли. Аксель читал архивы дела. Там не было зацепок, не было даже намеков на то, что за автокатастрофой прячется что-то еще. Впрочем, родителей он не помнил. Они не оставили ему даже фамилии

– секретарь в социальной службе сократил неудобное «Гринштейн» до Грин.

Детектив провел рукой с аккуратными длинными пальцами несостоявшегося музыканта по светлым волосам, неряшливо, слишком свободно и старомодно спускавшимся на плечи. Пронзительно-синие глаза цепко и холодно следили за аппаратом в ожидании дозы кофеина. Детектив сжал зубы. Несколько лет назад он получил повышение и теперь расследовал самые тяжелые и запутанные дела. У руководства он был на хорошем счету, хотя методы расследования нравились не всем. Во главе управления стоял Найджел Старсгард, в прошлом военный, как и Грин, но непосредственным руководителем Акселя оставался капитан Боннар. А ему не нравились методы расследования ни одного из подчиненных. В отдел особо тяжких заносило только психов, людей с переломанной судьбой.

Аксель исключением не был.

Кто в нормальном состоянии станет разгребать всю эту грязь с маньяками, садистами, убийствами женщин и детей? Кто не испугается почти каждый день видеть кровь, боль, страх? Какое сердце сможет это выдержать? Либо то, которое уже давно ничего не чувствует, либо то, для которого все это находится на границе нормы. Аксель принадлежал ко вторым. Непростое детство сироты заставило его рано повзрослеть.

В тот день, когда Сара забрала его домой, мальчик считал

себя уже совершенно взрослым и самостоятельным мужчиной. Он быстро взял на себя заботу о женщине, которая через много лет после усыновления потеряла своего родного сына при страшных обстоятельствах – он стал жертвой бушевавшего в то время в Треверберге маньяка. Шел 1993 год. Город вставал на ноги после тяжелейшего экономического кризиса. Зарождался частный бизнес, администрация выделяла деньги на социальные объекты. Жизнь, казалось, снова налаживалась. До тех пор, пока прессу не взорвали новости о разбушевавшемся убийце, чей фокус совершенно невозможным образом сконцентрировался на детях до десяти лет. Сына Сары нашли повешенным на столетнем дубе в старой части города. Никаких следов, никаких улик. Единственное, что успокаивало тогда, – следов насилия или полового вмешательства не нашли: это был не педофил. Но тварь убивала детей. Волна смертей прокатилась с 1990 до 1995 года. Погибло тринадцать детей. А потом что-то случилось. Убийства прекратились, но и обвинения никому так и не смогли выдвинуть, несмотря на сильную команду, которая вела дело.

Аксель в основном знал об этой истории из газет и сплетен в академии. Он вернулся из армии в 1992 году, сразу поступил в полицейскую академию, перепрыгнув младшие курсы, и параллельно устроился стажером в полицию. И он отлично помнил тот день, 2 ноября 1993 года, когда Сара, добрая светлая женщина, которая была рядом с Акселем все годы

его жизни в приюте, дождалась его возвращения из армии и одобрила его решение посвятить свою жизнь службе в полиции, вдруг посерела. Взгляд потух.

Детектив наконец получил вожделенный стаканчик с дрянным кофе и расправил плечи. Он был высок, выше многих своих коллег, статен, обладал идеальной осанкой, но все время держался осторожно, будто бы ждал удара. Прежде чем войти в комнату, он заглядывал в нее, словно оценивая обстановку, затем делал шаг. Он все время был на войне. В армию Аксель ушел в шестнадцать. О семи годах в горячих точках не рассказывал. При найме на службу шеф убийного Боннар пытался запросить его досье, но получил мягкий и уверенный отказ. Всего один разговор с Акселем уверил Боннара в двух вещах: юношу изрядно потрепало, и ему можно доверять. Чутье капитана не обманывало, и он не стал возражать, когда офицер Грин изъявил желание забросить военное дело и переквалифицироваться в детектива. С шефом полиции Старсгардом общий язык Грин нашел мгновенно. В отличие от своего подчиненного, капитана Боннара, Найджел понимал, что именно означает засекреченное досье.

Аксея прогнали через академию, через бумажную волокиту, потом начали подключать на задания. В двадцать семь Грин получил повышение и стал детективом. Сначала – убийный отдел. Через год – особо тяжкие. Он блистал, но не любил, когда это замечали. Для него расследование бы-

ло чем-то сродни воздуху. И лишь потом – долгом, почетом, службой.

Синие глаза Акселя остановились на огромных часах Audemars Piguet, которые управлению подарил мэр после раскрытия дела Инквизитора¹. Тонкие стрелки указывали на десять минут восьмого утра. Детектив не смог заснуть и приехал в участок раньше, чем нужно. Он знал, что его сослуживцы притащат свои задницы в лучшем случае через час. У него есть время, чтобы подумать. Ночь была сложной. Сара кричала. А у него не шло из головы тело, найденное вчера.

Он не был специалистом по профилированию, ждал заключения доктора Марка Карлина, чтобы получить предположения относительно психологического портрета убийцы. Но одно он знал точно. В городе снова орудовал маньяк. И он снова нападал на детей.

Аксель прошел в свой кабинет, куда его переселили чуть меньше года назад, привычным жестом поправив волосы и осмотрев помещение прежде, чем шагнуть за порог. Вчера ему доставили долгожданную посылку – дубовый стол из массива. Детектив рассматривал громадину с мрачной улыбкой, в его глазах блестело удовлетворение. Он поставил кофе на полочку, подошел к столу и прикоснулся к нему кончиками пальцев. Дерево отозвалось мягким теплом. Да. Огромная столешница, приятный запах и ощущение уверенности

¹ Дело Инквизитора Аксель Грин расследовал в 1999 году, это описано в романе «За грехи отцов».

– это то что нужно. Это то, чего не хватало. Старый стол детектива выбросили. Вещи он предварительно упаковал в коробки и перевязал их клейкой лентой, чтобы никто не рылся в том, в чем рыться не стоит. Справа от стола к стене прибили огромную белую доску. Пока что на ней висела только одна фотография – снимок со вчерашнего места преступления, одинокий и шокирующий. Но скоро здесь выстроится все расследование. Аксель с нетерпением ждал момента, когда сможет добавить другие фото, заметки, записки, протянуть нити, связывая фрагменты мозаики. И того чувства, которое можно сравнить только с наркотическим кайфом или оргазмом, которое поглощало его в мгновение осознания. Как многие детективы, он мыслил логичными образами. И ключевой точкой в расследовании становилось проявление картины. Вспышка, после которой все шло по-другому.

Напротив белой доски – несколько благодарственных грамот. Ни фото родителей, ни Сары, ни его самого. Год назад здесь жила фотография Элизабет. Но они расстались, и Аксель выбросил фото. Зачем тянуть за собой прошлое. Лиз уехала из города, а он остался здесь.

Он всегда оставался.

Аксель наклонился, поднял с пола монитор, клавиатуру, поставил их на стол. Огляделся в поисках мышки. Нашел ее под столом, положил на место. Затем достал из кармана небольшой складной нож, вскрыл ближайшую коробку и вытащил оттуда документы. Положил папку на стол. Вер-

нулся за кофе, сел в кресло, включил компьютер и задумался, теребя кончики волос. На его гладко выбритое лицо падал солнечный свет, делая черты почти совершенными. Высокий чистый лоб с аккуратными залысинами, которые лихо маскировались под гривой светлых волос, темные брови, подчеркивающие пронзительный, слишком яркий цвет глаз. Прямой аккуратный нос, небольшие губы, на которых застыла печать усмешки. Улыбался Аксель чаще уголками губ. Искренней и открытой улыбки никто не видел.

Детектив сделал глоток кофе, опустил руку со стаканчиком на столешницу, закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

Вчера в 13:57 поступило сообщение о найденном теле ребенка в одном из коттеджей в популярном поселке Художников. Описание было сбивчивым. Ребенка нашла домработница, которая приходила каждый день в 14:00, чтобы сделать уборку и приготовить еду. Обычно в это время дом пустовал. Отец мальчика был видным деятелем науки и редко бывал в Треверберге, мать, Аделаида Броу, работала юристом и тоже практически отсутствовала дома. С маленьким Хавьером обычно оставалась няня. Но несколько месяцев назад мальчика определили в частную школу, которая готовила детей к поступлению в нормальную школу. Как это у них называется? Детский сад? Подготовительные курсы? Черт ногу сломит. Так вот, ребенка в это время дома практически не бывало, няня его привозила и увозила, в этот день должна была

забрать его с Сиреновой улицы, 44 ровно в 15:00.

Уборщица, пятидесятилетняя вдова Мариса Харрис, как обычно, приехала к особняку на такси, которое оплачивала семья Броу. Таксист оставил ее у ворот и уехал. Мариса воспользовалась ключом, который вручил ей хозяин дома в день оформления на работу, отперла калитку. Сорок пять секунд понадобилось на то, чтобы дойти до дома и распахнуть входную дверь. То, что она увидела в некогда белоснежной огромной прихожей, невозможно было описать. Уборщица позвонила в полицию немедленно, благо телефон находился при входе. Повернувшись спиной к ужасу, который ее так поразило, она торопливо проговорила адрес и выскочила на улицу, где ее тяжело и долго тошнило.

Аксель Грин прибыл на место за пару минут до появления криминалистов. Он вошел на территорию коттеджа, расположенного в старой части, между многоэтажными домами и резиденциями, чья стоимость не умещалась ни в одном чеке, ровно в пятнадцать минут третьего. Он приехал на мотоцикле и миновал все пробки. Еще одна особенность, которую не любил Боннар, – детектив ненавидел автомобили и пользовался мотоциклом. Вой сирен возвестил о том, что подтянулась остальная команда. Аксель задержался с Марисой, которая сидела на ступеньках дома и плакала. Полицейские натянули желтые огораживающие ленты. Каждый поздоровался с детективом. Тот не стал дожидаться криминалистов и, развернувшись, нацепил латексные перчатки на руки, обмо-

тал ботинки скотчем, который всегда возил с собой, и толкнул дверь в дом.

Привычный к крови и ужасам войны, к десяткам трупов, к плачу и скорби, детектив Грин все же оторопел от того, что открылось его цепкому, ничего не пропускающему взгляду. Огромная белая гостиная: стены, потолок, глянцевый пол. Прихожей нет, только маленькая тумбочка. Судя по всему, гардеробная где-то за лестницей. Прямо перед глазами – когда-то белая стена с несколькими фотографиями жителей дома. Справа стеклянная дверь в кухню, слева – еще в одну комнату, дверь закрыта, и со своей точки Аксель не мог понять, что это за помещение. Жертва лежала на полу. На огромном ватмане, растянутом возле стены. Даже отсюда с высоты своего роста Аксель четко видел и осознавал то, что он видит. Убитый мальчик был уложен так, будто парит в воздухе. К его спине светлой проволокой прикручены два крыла, судя по всему, собранных вручную – слишком тщательная работа для сувенирных лавок. Мальчик обнажен. Лицо чистое. Волосы аккуратно расчесаны. Вены вскрыты, кровь использовали вместо краски – ею добротнo обрызгали стену и подрисовали «облачка» на ватмане.

Аксель выпрямился в кресле. Ему пришлось дать криминалистам возможность работать. Зацепок было много, но он чувствовал, что ни одна из них не приведет к убийце. Они возьмут на анализ ватман, чтобы выяснить, где он куплен, попробуют проанализировать следы, прошерстят весь дом в

поисках отпечатков. И им должно крупно повезти, если это сработает. А может, он просто слишком впечатлен, и преступник – самый обыкновенный псих, который пытается выразить через убийство какие-то внутренние неурядицы.

Но как бы детектив ни хорохорился, выбросить из головы увиденное не мог. Снова ребенок. Нужно дождаться отчета о вскрытии и потом уже строить гипотезы.

В дверь постучали. Аксель пригласил войти, и на пороге появился Марк Карлин, руководитель недавно созданного отдела психологической экспертизы. Блестящий детектив и ученый, который углубился в профилирование. Аксель и Марк вместе раскрыли немало сложных, чрезвычайно запутанных дел, включая дело Инквизитора. Железобетонная уверенность Акселя в собственной правоте, его феноменальное чутье, основанное на нечеловеческой способности подмечать детали, и удивительный ум Карлина, позволяющий буквально считывать преступника, делали их самым эффективным дуэтом под руководством Боннара. Вместе с раскрытыми преступлениями пришла и слава. А с ней – повышенная занятость. Грину не нравилось, что Карлин сейчас поддерживал все сложные расследования. Еще меньше ему нравилось, что он притащил из Германии молодого, подающего надежды, но пока решительно бестолкового парнишку по имени Говард Логан и проводил с ним много времени.

Привычный мир рушился. Грин служил в полиции почти десять лет, учился, рос, вырослел, шагал по карьерной лест-

нице, получил значок детектива, потом – детектива первого класса, соревновался с коллегами по количеству раскрытых преступлений. И во всем этом не было никакого смысла. Его глаза загорались только при виде крови. Только на месте преступления, которое он читал, подобно раскрытой книге. Только тогда, когда Треверберг содрогался от очередной волны новостей. К счастью для Акселя, к несчастью для города, маньяков в Треверберге было много. Почти каждый год по одной, а то и по две серии. И это на город, в котором дай бог наберется несколько миллионов душ, если считать вместе с пригородами.

– Доброе утро, – жизнерадостно поздоровался Карлин.

– Ты сегодня рано.

– Не ложился. Я пришел поговорить про нашего художника.

– Художника?

Аксель выпрямился в кресле. Карлин пересек кабинет, носком идеально начищенного ботинка отпихнул мешавшую ему коробку, пожал Грину руку и уселся в кресло. В руках он держал папку с документами. Он счастливо улыбался и выглядел столь же безупречно, сколь и безумно. В карих глазах плясали черти, темные волосы, как всегда, уложены волосок к волоску. Аксель почувствовал, как медленно рассыдается ледяной комок в груди. Он давно думал попросить Карлина найти для Сары толкового психиатра и почему-то решил, что сегодня сможет это сделать.

– Судмедэксперт прозвал его Рафаэлем.

– Почему? – удивился Грин.

– Зато готовы результаты вскрытия, – переключился Карлин.

– Шутишь!

Руководитель отдела психологической экспертизы театральным жестом раскрыл папку.

– Ты был прав, Аксель, мальчик обескровлен, ему отворили вены, сцедили кровь и использовали ее в качестве краски. На мазках обнаружили несколько ворсинок беличьей кисти. Ватман самый обыкновенный, такие есть в каждом художественном магазине. Ах, я отвлекся, про отчет криминалистов позже, он еще не готов. Поговорю с Трессом, если задержат. – Карлин мгновение помолчал, подбирая слова. – Итак, мальчик. Хавьер Броу, на днях исполнилось три года. Еще не сформировался, тело пухлое, светловолосый, волосы кудрявые, напоминает ангелочков с фресок эпохи Возрождения. Отсюда аналогия с Рафаэлем. Ангелоподобный мальчик, которого уложили в соответствии с образом упомянутых фресок. Мальчик умер от потери крови, но он не испытывал боли или дискомфорта. Предварительно его усыпили с помощью хлороформа. Банальный дедовский метод. Возможно, наш маньяк еще учится. Усыпили, уложили на подушку, отворили вены рук и ног и слили кровь в какие-то емкости. Подушку убрали. Мальчика посадили на суперклей на ватман, зафиксировав руки и ноги. Кстати, волосы тоже смаза-

ли клеем, но расческу ребята не нашли, вероятно, она осталась у убийцы. – Марк Карлин с задумчивым видом перевернул лист отчета. – Крылья к спине прикручивали уже после того, как тело приклеили к бумаге. Предполагаю, что тут наш убийца ошибся, он был настолько взбудоражен происходящим, что забыл про крылья. Поэтому они прикреплены только сверху, с той стороны, которая была свободна. Метод крепления тебе не понравится, Аксель, убийца просто пришил крылья к телу. Игла тонкая, острая, судя по характеру отверстий, изогнутая. Такими работают с кожей в некоторых швейных мастерских, но преимущественно в больницах. Характер порезов на руках и ногах говорит об остром ноже с четкой односторонней заточкой. Раны не рваные, почти такие же, какие оставляет скальпель, но это точно не скальпель. Возможно, нож для бумаг или просто булатный клинок, который по-человечески заточили. Частиц в ране не обнаружено. В отчете пока написано «очень хорошо заточенная сталь, возможно, порошковая». Движения ровные, четкие. Убийца не сомневался. Мальчик умер во сне и ничего не почувствовал. Единственное, что радует в этой картине.

Аксель встал, достал отброшенную Марком в сторону коробку, поставил ее на стол, вскрыл. Вытащил оттуда несколько книг и бросил их в ящик стола.

– Убивает не ради убийства, – проговорил он. – Смерть – лишь инструмент, не цель.

Марк пожал плечами.

– Они почти всегда убивают не ради убийства, не ради мести. Если мы говорим про настоящих психов. У каждого из них свой замысел, свои фантазии, страхи, свое понимание о лучшем. Кто-то создает идеальный музыкальный инструмент. Помнишь дело о костяных флейтах?

Аксель молча кивнул. Он консультировал в том расследовании. На флейты из костей насмотрелся до конца жизни.

– Сейчас, кажется, мы снова имеем дело с искусством.

– Не слишком ли это очевидно? Мальчика положили в сюжет средневековой фрески, приделали крылья – и мы повелись.

– Говард считает, и я с ним согласен, что маньяк хотел показать именно то, что показал нам. Картину. В лучших традициях Возрождения.

Аксель устало протер глаза.

– Я уже говорил, что мне не нравится твой протезе?

Марк кивнул:

– И не один раз. Но у парня талант. И ты лучший, кто смог бы погрузить его в наше дело. Возьми его помощником в расследовании. Пусть делает грязную работу, ищет людей, контакты, связи.

Аксель вздохнул. После дела Инквизитора он больше не брал студентов. Разговаривать было бесполезно. Боннар оставил его в покое, а вот Марк не сдался.

– Хорошо. Только из уважения к тебе. – Аксель взглянул на часы, подумав о том, что вечно избегать участи наставни-

ка не сможет. Тем более это прописано в должностных инструкциях. – Жду его в восемь сорок пять.

Карлин кивнул. Закрыв отчет и отдал папку Грину. Тот благодарно улыбнулся, но тут же снова посерьезнел. Марк встал и уже почти дошел до двери, когда Аксель его остановил.

– Мне нужна помощь, – тихо проговорил детектив. Карлин обернулся. – Может, ты знаешь хорошего и неболтливового психиатра?

– Для тебя?

– Нет. Сара кричит по ночам. Пару месяцев назад мне позвонили соседи с жалобой, что она не дает им спать и я что-то должен сделать. Я переехал к ней. Но ничего сделать не могу. Днем все хорошо, а по ночам она кричит. Вчера еще увидела в газете репортаж об Ангеле в районе старых мостов. И... Словом, я почти не спал.

Карлин серьезно кивнул:

– Я понял. Придумаю что-нибудь.

2. Самуэль Мун

13:47, 4 апреля 2001 года

Треверберг

Кристианна стояла посреди огромного кабинета, в котором уже несколько лет работал Самуэль Мун. Здесь он встречался с клиентами, с друзьями, с любовницами, сюда часто заказывал обед из расположенного невдалеке от комплекса «Треверберг Plaza» с одноименными отелем ресторана европейской кухни. Он здесь жил. А когда хотел поработать с картинами, поднимался на второй этаж, где располагалась пятидесятиметровая мастерская. Шесть лет назад Кристианна, бакалавр Университета имени Уильяма Тревера, искусствовед, впервые переступила порог этого кабинета. С детства она восхищалась работами Самуэля Муна, с детства мечтала с ним познакомиться и поэтому, когда он объявил конкурс на должность личного помощника, бросила все, даже магистратуру. Должность она получила. В 1995 году Самуэль Мун не был женат, и они быстро нашли общий язык. Кристианна влюбилась, по-детски и глубоко. Шеф вроде и отвечал ей взаимностью, что не помешало ему уже в 1996 году жениться на какой-то художнице. Через три года та умерла, оставив ему грудного младенца, и вновь вернулось время Кристианны, которая, в свою очередь, к этому моменту

успела обзавестись мужем. Но кого останавливало замужество, когда дело касалось восхитительного Самуэля Муна?

В феврале он громко отпраздновал очередной день рождения, ему исполнилось пятьдесят три, но Кристианне, которой едва миновало двадцать шесть, казалось, что он – лучший из мужчин. Он поразительно молодо выглядел, все время сохранял прекрасное расположение духа, был галантен, умен, лишен каких бы то ни было комплексов в постели и знал, как впечатлить женщину. Слава к художнику пришла рано, деньги он не считал. Детей, впрочем, тоже. Крис надеялась, что он обратит на нее свой взор, и делала все, чтобы так оно и случилось сейчас, когда он наконец не женат. Она строго следила за внешностью, за одеждой, чутко реагировала на его комментарии, аккуратно выстраивала отношения с ним, правда, так ни разу и не смогла ему отказать, хотя очень хотела – психологи говорят, что определенная холодность притянет любого мужчину. Но у нее было неоспоримое преимущество перед всеми любовницами и воздыхательницами: если на них Мун деньги тратил, то с помощью Крис он преумножал свое состояние. Она продавала его картины, на ее счету было четыре рекорда по суммам сделок за всю творческую карьеру Муна, она же помогала ему с недвижимостью, мягко и ненавязчиво опутывая художника со всех сторон.

Порой Кристианна забывала, что сама замужем.

Самуэль поднял на нее непрозрачный взгляд. При та-

ком освещении глаза казались карими, но она четко знала, что они серо-зеленые. Когда он выходил из себя, они серели. В мгновение высшего наслаждения становились пронзительно-зелеными. Кристианна прижала к груди папку. Иссиня-черные волосы художника были идеальны. Как и он сам. Ни намека на возраст, ни намека на седину. Магия. И поразительной силы гены. Таких возмутительно восхитительных мужчин давно пора запретить законом. Невозможно так жить!

– Карминовое платье, Крис, – проговорил художник. – Если ты думала, что я не замечу, что ты послушала совет и поменяла тон, ты ошибалась. Кармин в сотни раз лучше подходит к твоим волосам, чем коралловый или оттенок бургундского вина.

– Я прилежная ученица, Сэм.

Он улыбнулся.

– Да, заметил по перечисленным на мои счета деньгам за минувший месяц. Ты хорошо поработала.

– А ты – не очень, – в тон ему отреагировала девушка. – Мне нужны новые полотна. У нас выставка через два месяца.

Самуэль покачал головой.

– Скоро будет. После свадьбы.

– Свадьбы?! – Крис открыла рот от изумления. – Какой еще свадьбы?

– Моей и Теодоры Рихтер, разумеется, – с невозмутимым видом отреагировал художник. – Думаю, ее портрет те-

бе удастся продать по рекордной цене. Я работаю над ним уже несколько месяцев. Волшебная картина.

– Почему раньше не показал?

Кристианне было тяжело совладать с собой. Слезы подступили слишком близко, но она старалась держать лицо. В итоге брак не помеха отношениям, ведь так? У нее есть муж, у него жена, это нормально. Думать о том, что помимо жены всякий раз у Самуэля Муна оказывалась целая куча любовниц, совершенно не хотелось. Она заставляла себя верить, что находится на особом счету в этом длинном списке. Может быть, ей даже выделена отдельная строчка. С безлимитом встреч и внимания. А вдруг Сэм прозреет и поймет, что ему никто кроме нее не нужен? Она с радостью разведется и переедет к нему. Она даже станет мамой для его двухлетней девочки! Главное, чтобы не пришлось усыновлять всех остальных детей.

Художник смотрел на нее устало. В эту самую минуту она была готова поверить, что ему действительно пятьдесят с небольшим. Вокруг глаз залегли морщинки, во взгляде отразилась непонятная тоска. Воспитание не позволяло ему говорить с ней резко, но Кристианна почувствовала, как накалилась атмосфера. Самуэль поднялся из-за стола. Он был высоким, широкоплечим, держал себя в форме, несмотря на ежедневные попойки. От нахлынувших воспоминаний о том, каково чувствовать на себе тяжесть его тела, девушку бросило в жар, потом в холод. Мун подошел к ней. Мягко

отобрал папку с документами, швырнул ее на стол. Обнял за талию и, рванув на себя, жадно поцеловал.

– Ты вышла замуж назло мне, я знаю, – прошептал он между поцелуями. – А я женюсь, потому что так хочу. Но разве в прошлый раз нас это остановило? Или ты думаешь, меня на тебя не хватит?

* * *

Часом позже художник Самуэль Мун стоял в своей мастерской. Он рисовал. После хорошего секса его всегда пробирало на творчество. Он отчаянно хотел закончить портрет будущей жены. Почему-то в минуты работы над картиной он не сомневался, что Теодора ответит незамедлительным согласием, как только он повторно озвучит предложение, и уже считал ее своей женой. Теодоре не было и тридцати, но он понимал, что эта женщина точно достойна того, чтобы стать его официальной половинкой. А он подходил ей намного больше любого другого. Из хорошей семьи, с блестящим образованием, она активно развивала сразу несколько бизнесов, имела поразительное чувство вкуса и дарила ему такие эмоции, что иногда он просыпался от страха, что все происходящее – сон. Он спал с десятками, сотнями женщин, регулярно обследовался у врача. Но здесь понял, что пропал. Он влюбился, как школьник. И если влечение к каждой юбке сохранил, то внутреннее ощущение покоя испытывал

только тогда, когда Теодора была рядом. Сэм сам не мог себе объяснить, как так в его жизни складывалось. Час назад он беспардонно трахал на рабочем столе своего агента, а сейчас стоит и рисует тонкие черты лица той, которую уже считал женой, хотя до свадьбы еще далеко.

Сэм встретился с Теодорой на приеме, который организовал его партнер по бизнесу, связанному с недвижимостью, Самвел Дженкинс. Теодора, дочь компаньона Дженкинса, поразила собой всех, кто имел счастье попасть на эту закрытую вечеринку. Сэм был очарован, но красавица растворилась в толпе быстрее, чем он смог завести с ней беседу. Ее брат с улыбкой рассказал тогда, что единственная любовь Тео – это работа. Она работала как проклятая. Отец помог ей получить престижное образование, но ни копейки не вложил в ее бизнес. Теодора делала все сама. А в двадцать пять вернула отцу деньги, которые тратила в первые годы обучения в Оксфорде. С процентами.

Сэм влюбился. На тот момент он еще был женат, а подкатывать к Тео с обычными для такого случая ухаживаниями – как-то странно. Через год жена умерла при родах, оставив ему дочь. Художник на месяц ушел в запой. Если бы не Кристианна, скорее всего, он бы потерял часть состояния, но она просто перекрыла доступ к счетам и потихоньку вернула его в этот мир. А через полгода сама вышла замуж за какого-то чиновника из министерства культуры. Крис о замужестве не распространялась, а художник не обращал внимания на име-

на и слухи.

В конце прошлого года он сделал Тео предложение, она отказалась, сославшись на занятость, но согласилась пожить вместе. Их отношения были странными, но Самуэль чувствовал себя счастливым. Настолько, насколько вообще способен испытывать подобное ощущение художник. Он начал рисовать портреты Тео. И сейчас работал над одним из сложнейших. Огромное полотно, нуар. Пронзительно-синие глаза смотрят холодно, но в них застыла печать вековой мудрости. Иссиня-черные волосы крупными волнами спускаются на меховую накидку, под ней – кроваво-красное платье. Вокруг глаз – будто бы татуировка, слегка напоминающая маску. Губы чуть тронуты блеском. При каждом взгляде на портрет кажется, что женщина сейчас улыбнется и что-то скажет, но нет. Ни улыбки, ни намека. Только холодное спокойствие женщины, которая в этой жизни видела все.

Сэм бесился от того, что мало что смог узнать о ее прошлом. Она родилась в Треверберге, рано уехала в Англию, окончила Оксфорд, защитила кандидатскую, вернулась в Треверберг. Быстро включилась в бизнес. Строила отели, рестораны, в прошлом году открыла агентство по организации праздников и мероприятий. Работа спорилась, деньги хоть и давались тяжело, но поступали в достаточном объеме, чтобы она купила себе дом. У него. Самуэль, которому годам к тридцати надоело заниматься только картинами, решил, что у него нюх на талантливых архитекторов, и начал стро-

ить и продавать недвижимость. Соваться в высотки он не видел смысла, а вот незанятую нишу частных домов смог освоить. Мистер Мун, пользуясь природным обаянием, связями и деньгами, обзавелся нужными знакомствами в администрации города и быстро начал реставрировать заброшенные усадьбы, разбросанные вокруг Треверберга, и строить новые небольшие коттеджные поселки. Его любимое детище, поселок Художников, был построен в 1993 году. Правый берег реки никогда не был особо престижным местом, богатеи ценили левый и старую половину, но поселок Художников, расположенный в районе Старых Мостов, эту тенденцию преломил. После него были построены «Золотые вязы», администрация занялась дорогой, и деньги потекли.

Каждому покупателю дома Сэм дарил свою картину. Миниатюрную акварель с пейзажем, помещенную в аккуратную раму из черного дерева. Безделица на рынке стоила несколько тысяч долларов, и покупатели чувствовали, что им сделали королевский подарок. Впрочем, королевские подарки – это то, что как нельзя лучше характеризовало Самуэля Муна.

Сэм отошел от картины. Ему не хватало какого-то штриха. Он поймал себя на мысли, что феноменальное сходство с Теодорой не радует его, а пугает. Эта картина вселяла ужас. И повесить ее в своем доме он не сможет. Жаль. Впрочем, он уже озвучил Кристианне, что ей придется найти покупателя для портрета.

В дверь постучали. Художник нахмурился, отложил кисти. Он не любил, когда его прерывали, но подумал, что это Крис. Вернулась за добавкой. Обнаружив на пороге Тео, он удивленно замер.

– Ты какими судьбами? – спросил он, лихорадочно воображая, что она могла видеть в кабинете. Вроде бы никакого белья или других неприятных неожиданностей. Он заглянул в глаза невесты, пытаясь определить, заметила она что-то или нет.

– Встреча отменилась, а я была рядом. Пообедаем?

Теодора поцеловала его в щеку, поднявшись на цыпочки. После высокой и статной Кристианны она казалась совсем миниатюрной и хрупкой, как фарфоровая куколка. От нее пахло весной. Свежий, легкий, невесомый запах. Как акварель. В эту минуту Теодора ощущалась как акварель, хотя художник ее ассоциировал с привычным излюбленным маслом, которое позволяло все. Его работы были тяжелыми, мрачными, точными, реалистичными. Но иногда он баловался акварелью. Теодора сочетала в себе легкость и серьезность. Сейчас было стыдно за то, что произошло час назад в кабинете, хотя художник был достаточно опытен, чтобы отдавать себе отчет в простой истине: он не из тех мужчин, которые смогут хранить верность даже самой любимой женщине.

Он кивнул, прошел в мастерскую, взял шерстяной пиджак и повернулся к невесте. Теодора улыбнулась. Ее свежесть и

чистота, ум, умение выстраивать большие системы и зарабатывать покоряли художника, привыкшего к женской недалекости. Они вышли из мастерской, а Сэм думал о том, что хочет приблизить дату свадьбы. Что могло омрачить его жизнь? Он богат, опытен, полон сил и энергии, у него куча детей, есть цель в жизни и четкое ощущение правильности своего места. У него есть все. А теперь еще и самая желанная женщина Треверберга принадлежит ему.

3. Аксель Грин

16:45, 4 апреля 2001 года

По дороге в район Старых Мостов, Треверберг

– Слушай внимательно и мотай на ус то, что я буду говорить.

– Я бреюсь именно для того, чтобы никто не мог использовать в мой адрес это ваше «мотай на ус», – с недовольным видом отозвался Говард Логан.

Аксель удержался от едкого замечания. Где-то в глубине он понимал, что молодой и талантливый, если верить Карлину, вчерашний студент просто защищается этой колкостью, но ему не нравилось подобное поведение в рабочем режиме. Стажер вел свою маленькую трехдверную «ауди» странного темно-зеленого цвета и старался не смотреть на собеседника. А детектив думал о том, что, возможно, когда-то он был таким же дерзким и наглым, когда его заставляли делать то, что ему не нравилось. И о том, что больше никогда себе не изменит и не сядет в автомобиль. После звериного характера мотоцикла четырехколесное чудовище его удручало. История стерла воспоминания об академии и прошлой неопытности, оставив только раскрытые дела, почет и определенную славу, которой он избегал. Говарду нужно просто раскрыть дело и понять, что среди коллег у него нет врагов.

– Вспоминаем такой термин, как субординация, и больше не язвим, – проговорил Аксель, бросив на стажера холодный взгляд. – Я взял тебя только по просьбе Карлина. Не нравлюсь – закрой рот из уважения к нему. Не хочешь здесь работать – проваливай.

Говард внимательно на него посмотрел, воспользовавшись красным сигналом светофора.

– Простите, детектив Грин, – выдержав длинную паузу, без язвительности проговорил он. – Я не привык.

– Все приходит с опытом. Мы едем к матери погибшего мальчика. Ты должен понимать, что женщина в шоке. Но ее мнение, ее первая реакция для нас – ящик Пандоры. Если открыть его правильно, мы сможем получить те самые детали, которые нужны для раскрытия дела.

– Я понимаю, – кивнул юноша.

Говарду всего двадцать один год. Он студент университета (криминалистика, естественно), переехал в прошлом году из Гамбурга. Аксель рос без родителей и не знал, что такое пережить их смерть, но на каком-то только сиротам доступном уровне понимал, что испытывает Логан, который был вынужден поменять в своей жизни все. Говард ему не нравился. Как не нравился любой стажер, тем более такой малоопытный. Ему не нравилась его наглость, убежденность в собственной правоте, которая на самом деле была лишь защитной маской неуверенного подростка. Но в глазах стажера Аксель видел самое главное – живую глубокую мысль. Если

он умеет думать, то встает вопрос исключительно о навыках. А они – дело наживное. В Треверберге огромное количество убийств. Хватит на сотню стажеров.

– Расскажи, что мы о ней знаем, – мягко попросил детектив Грин. Стажер с легкостью маневрировал в потоке. Водил он резковато, но уверенно и безопасно.

– Аделаида Броу, двадцать семь лет, в браке пять лет. Магистр юриспруденции. Закончила Университет имени Уильяма Тревера с красным дипломом. Рано начала практику. Специализируется на гражданском праве. Консультирует, в судах практически не выступает. Шатенка, глаза зеленые. Дважды в неделю посещает спортивный зал, где в основном ходит по беговой дорожке и слушает музыку. Не любит сидеть с ребенком, вышла на работу через месяц после родов, наняла няню. Судя по всему, мужу не изменяет, хотя видит его не так часто. У нее есть несколько счетов, на которых она хранит по три-четыре тысячи долларов. В долевой собственности только особняк в поселке Художников. Он построен по проекту Самуэля Муна, в первой линии. Куплен в 1994 году, перед свадьбой. Сын Хавьер родился через четыре года, в 1998-м. За счет того, что Аделаида не является адвокатом, с ходу найти врагов и недоброжелателей не удалось.

– Неплохая работа, Говард, – похвалил Аксель, удовлетворенно кивая. – Я смог себе представить женщину, к которой мы едем. Позволь, поделюсь впечатлениями.

– Конечно. – Глаза стажера вспыхнули. – Мне интересно.

– Мы едем к одинокой и несчастной в браке женщине, которая слишком занята карьерой, чтобы искать себе любовника. Сына она родила, скорее всего, по просьбе мужа, но без особого желания. Предпочитает тратить время на работу и спорт, следит за фигурой, но не настолько, чтобы подключать тренера. Зал использует, чтобы побыть одной, не заниматься ребенком. Что странно, ведь она была достаточно взрослой к моменту, когда он родился. Ее нельзя назвать успешной, скорее, бережливой. Судя по всему, она не много зарабатывает, но умеет тратить и распределять средства. Несколько счетов для безопасности, формирует зачатки. Правильная, придерживается общественных норм. Возможно, боится мужа. Надо будет на него внимательнее посмотреть.

– Я уже посмотрел. – Говард кивнул на сумку на заднем сиденье. Аксель развернулся и достал из нее тонкую папку. – Решил, что будет полезно. Джон Броу, американец, начинал карьеру в качестве математика, в студенческие годы заинтересовался теоремой Пуанкаре, но бросил исследования, переключившись на микробиологию. Перевелся на соответствующий факультет. К настоящему моменту защитил кандидатскую и докторскую, что-то в сфере вирусологии и искусственных вирусов. Подозреваю, что речь о биологическом оружии, но не афишируется. Ему сорок три. В основном живет и работает в США, в Треверберг приезжает раз в две-три недели. Созванивается с женой дважды в неделю.

В США в порочащих репутацию связях замечен не был, не вылезает из лаборатории. Узнал о трагедии сегодня, уже вылетел к нам. Завтра сможем с ним поговорить.

Аксель кивнул. Говард заложил крутой вираж и съехал с магистрали на неприметную чистую дорогу, ведущую к поселку Художников. Где-то справа шумела река. Снег полностью стоял, наполнив ее настолько, что уровень воды поднялся на целый метр выше обычного. К счастью, ничего не затопило. Коттеджный поселок стоял на небольшом холме, лучшие и самые дорогие дома имели выход к воде, остальные расположились ближе к дороге, но между дорогой и забором участков находился густой еловый перешеек в пару-тройку десятков метров шириной. Это создавало ощущение, что ты далеко за городом, в лесу, все тихо и спокойно, не нужно никуда спешить. Весь поселок был обнесен невысоким забором, стояли камеры видеонаблюдения, подозрительных записей, совпадающих по времени, не обнаружили.

К сожалению, камеры были только на въезде, но не на дорогах и между домами. Полиция сделала вывод, что преступник проник на территорию не со стороны магистрали. Забор поселка был не плотным и легко преодолимым. Так что преступник пришел либо со стороны леса, либо от реки. На маленьких пристанях камеры отсутствовали. Возможных свидетелей опрашивали подчиненные. Аксель и Говард ехали к Аделаиде Броу.

Хозяйка дома ждала их в беседке. Темные очки прятал

ли глаза. На губах – идеальный макияж. Аксель представился, показал значок, представил Говарда, который тоже вытаскивал удостоверение, несколько смущаясь из-за низкого ранга, хотя «офицер» для гражданских звучало гордо. Аделаида предложила детективам сесть, приготовила чай. Детектив Грин принял расслабленный вид. Но обмануться мог лишь тот, кто не знал его. Синие глаза сканировали все происходящее, подмечая мельчайшие детали.

– Соболезную вашему горю, миссис Броу, – тихим голосом начал Аксель. Аделаида кивнула. При этом несколько прядей выпали из небрежной прически и упали ей на лицо.

Говард подумал, что женщина в шоке и нельзя определить, что для нее смерть ребенка – горе или просто удар, связанный с чудовищностью воплощения. Она сняла очки. К удивлению детективов, следов слез не было видно, но зато весьма заметен макияж, который недавно подправили.

– Благодарю. Я все понимаю, задавайте любые вопросы, я готова.

* * *

18:13

Кофейня «Совушка», район Старых Мостов, Треверберг

Говард пил кофе и просматривал сделанные на допросе Аделаиды Броу заметки. Им удалось поговорить всего пол-

часа, потом юрист уехала на работу. Осадок остался мало-приятный. Логан не имел возможности и желания задавать вопросы, но мысленно поддерживал каждое слово детектива Грина. Грин же в свою очередь вежливо и обстоятельно обходился как с матерью жертвы, так и со стажером.

Говард наблюдал. За открытой и отстраненной манерой Аксея Грина вести допрос. За тем, как отчаянно пыталась скрыть смущение Аделаида. Миссис Броу, сверкая зелеными глазами, коротко отвечала на невинные вопросы. Сколько лет, где училась, как выбрала профессию, какими делами занималась в последнее время, были ли ссоры? Были ли странные встречи, какие места посещала, как любит проводить свободное от работы время. Какие отношения с сыном? Что может сказать про няню? Почему решила взять в няни русскую женщину? Как с ней связаться? Говорил ли мальчик? Отдельные слова? Не появлялось новых слов в последнее время? А что на рисунках? Никаких странных образов?

Аксель аккуратно затягивал удавку, пока жертва не успела опомниться. Аделаида отвечала, но ее ответы мало что могли дать следствию. Было очевидно, что она почти не знала сына, редко бывала дома и в целом жила другой жизнью. Говарда такая картина ранила. Аксея оставляла равнодушным. Сказывались опыт и общее прохладное отношение ко всему, что касается отношений родителей и детей.

Грин смотрел в окно. Свой кофе он давно выпил и теперь переваривал увиденное и услышанное. В этом пазле не хва-

тало нескольких ключевых элементов. Аксель крутил в руках салфетку с изображением синей совы и выстраивал в голове варианты произошедшего. Неясно, был ли вхож убийца в семью или нет. Неясно, как он проник в дом (замок не сломан). Неясно, как именно он выбрал ребенка. Детектив попросил Аделаиду составить список всех мест, где она бывала с сыном на протяжении последних двух месяцев, а также отдельно выделить места, которые она посещала с ребенком постоянно. Взял контакты няни, но телефон был выключен. Миссис Броу предупредила, что няня всегда выключает аппарат на выходные, а сейчас у нее отпуск. Хавьер стабильно спал по четыре часа после утренней прогулки, и няня привезла его и спокойно оставила дома в ожидании Марисы. Сама Аделаида должна была приехать после четырех. Камеры запечатлели, как старенький «Фольксваген» приезжает в 10:07 и выезжает в 10:48. Достаточно времени, чтобы уложить ребенка спать, но достаточно ли, чтобы убить так изощренно? Точно нет. Судя по тому, что Аксель увидел в особняке Броу, убийца орудовал как минимум час. А скорее два. Нужно заложить время на то, чтобы слить кровь, уложить ребенка, пришить крылья, нарисовать облака и прочие элементы «картины».

В 13:57 Мариса уже позвонила в полицию. Экспертиза показала, что на время прибытия криминалистов мальчик был мертв примерно два часа. Что похоже на правду. Убийца пришел с 10:48 до 11:57. Могла ли няня его впустить? Мог

ли это быть заговор? По словам Аделаиды, в доме ничего не пропало. Зачем убивать ребенка, тем более таким способом? Аксель покачал головой. Картина – это сообщение. Убийца психически нездоров, это точно маньяк. И они точно в самом начале серии.

Говард набрал номер няни еще раз. К его удивлению, пошли гудки.

– Алло, – с сильным акцентом ответил женский голос.

– Говард Логан, полиция Треверберга, нам нужно с вами поговорить.

– Я в Москве, вернусь в Треверберг девятнадцатого апреля. А что случилось?

– Хавьер Броу умер при странных обстоятельствах.

Гробовое молчание было настолько оглушающим, что казалось, Марина повесила трубку. Через несколько бесконечных мгновений она проговорила:

– Хави? Мальчик Хави умер? Как?..

– Нам очень нужно с вами поговорить. Не могли бы вы прилететь пораньше?

– Попробую поменять билеты.

– Благодарю. И маленький вопрос. Когда вы улетели?

– Да сразу, как оставила мальчика дома после прогулки.

Из дома Броу я поехала в аэропорт.

Говард сделал себе заметку: «Проверить список вылетов из Праги».

– Ждем вас, миссис Зотова.

Он положил трубку и посмотрел на Аксея.

– Не думаю, что она лжет, но проверить не мешает.

4. Аксель Грин

6:45. 5 апреля 2001

Управление полиции Треверберга

Сорок три. Сорок четыре. Сорок пять...

Детектив Аксель Грин отжимался, пользуясь теми редкими минутами тишины в управлении, которые подарило это утро. Он не поехал домой, позвонил сиделке, чтобы та осталась с Сарой, а сам переночевал на раскладушке в своем кабинете. Продрав глаза, он рухнул на пол и принялся отжиматься, чтобы скорее прийти в себя. Всего пятьдесят раз, в шесть раз меньше нормы, которую приходилось тянуть в армии. Этих пятидесяти хватало, чтобы быстро проснуться и вдохнуть в тело жизнь. Через день он ходил в тренажерный зал или присоединялся к тренировкам спецотдела, когда скучал по сверхнагрузке спецназа.

Пятьдесят.

Детектив вскочил на ноги, потянулся, потряс руками. Вытащил из шкафчика полотенце, сменную одежду, которую всегда держал на работе, и в футболке и спортивных штанах побежал в соседнее здание, где располагался спортивный центр управления с несколькими залами и душевыми. Следующие пятнадцать минут он стоял неподвижно, позволяя то холодной, то горячей воде бить по напряженным после

занятия плечам. Он наклонился вперед, положив ладони на кафедру, раз в минуту меняя температуру воды. Закрыв глаза. Ему снился Хавьер. Во сне мальчик был жив. Он удивленно дергал пришитые крылья и спрашивал, почему вокруг все бурое, хотя должно быть красным. Аксель проснулся рывком с бешено колотящимся сердцем и больше не уснул. Раньше жертвы маньяков ему не снились. Видимо, даже его, привыкшего ко всему, этому существу (он не мог осознанно использовать по отношению к нему слово «человек») удалось удивить. Впечатлить.

Длинные волосы облепили лицо. Детектив чувствовал, что щетина отросла, значит, нужно будет ее убрать. Сейчас. Уже скоро. Как только он наберется мужества, чтобы выбраться из душа.

Мужество при этом куда-то свалило, тело не жило под водой, а мозг лихорадочно работал, окончательно просыпаясь и включаясь в предстоящий день. Перед глазами стояла белая доска с четырьмя фото: сам Хавьер, его мать, домработница и няня. Отца Аксель не вешал осознанно, сначала хотел с ним поговорить. Остальных свидетелей еще опрашивали. О ком-то информацию сообщат сегодня на планерке, о ком-то – завтра или в течение недели. Но он точно знал, ничего не найдут. Не будет подозрительных людей рядом с поселком, не будет странных звуков. Все как всегда. Слишком далеко находятся друг от друга дома, слишком наплевать соседям друг на друга. Вот если бы речь шла о любов-

нике миссис Броу, то да, каждая живая душа знала бы, что рассказать полиции и обманутому мужу.

Эта мысль вызвала у него горькую усмешку. Рывком Аксель выключил воду, взял полотенце, промокнул волосы, а потом вытер насухо тело. Оделся. Бросил грязное белье в мешок и пошел в ближайшую кофейню за нормальным кофе, решив, что сегодня не время дрянного заменителя из автомата. Его душа требовала качественной арабики.

Кофейня находилась в десятке минут быстрой ходьбы от управления. Грин нацепил кожаную куртку, бросил мешок с вещами на мотоцикл и отправился туда, стараясь идти как можно быстрее. Влажные волосы быстро остыли в прохладном утреннем воздухе, детектива пробила дрожь. Нырнув в стеклянные двери кофейни, он благодарно улыбнулся. И встретил улыбку молодой женщины-бариста.

– Детектив Аксель, – проговорила она. – Как обычно?
– Спасибо, Энн.

Интересно, она здесь одна работает – или он просто постоянно попадает на нее? Детектив обратил внимание на то, какого удивительно благородного оттенка у нее волосы, как четко очерчены брови и губы. И практически нет косметики. Энн работала здесь несколько лет и варила превосходный кофе. А может быть, это ее кофейня? Она не похожа на студентку, которая подрабатывает в свободное время. Из-за отсутствия косметики сложно сказать, сколько ей лет. Может быть и восемнадцать, и тридцать. Что-то в ее глазах подска-

зывало – все же ближе к тридцати. В них светились ум и какая-то тайна.

– Сладенького?

Аксель покачал головой, усаживаясь на высокий барный стул и опуская подбородок на скрещенные пальцы. Опершись на локти, он пристально следил за девушкой. Волосы холодным облаком обрамляли его лицо. Наверное, он выглядел забавно. Но Энн не смеялась. Она варила ему кофе, и по помещению разливался восхитительный аромат.

– Тебя давно не было, – проговорила бариста, не поворачиваясь. – Новое дело?

– Ага. А добавь молока, пожалуйста.

Энн бросила на него лукавый взгляд через плечо.

– Детектив сегодня хочет помягче?

Аксель улыбнулся. После того как они с Лиз расстались, он ни с кем не флиртовал, если не считать короткой истории с Джейн Абигейл, которая сейчас спокойно работала в США и с момента отъезда выходила на связь, только чтобы поздравить его с днем рождения. Ему не нравилось завершать отношения. Решение не начинать то, что плохо закончится, принялось будто само собой. И весь этот год, выныривая из расследований, он приходил сюда, чтобы получить свою законную чашку кофе из рук Энн. Эти мысли настроили его на миролюбивый лад.

– Сладкое я не ем. Но ты можешь рассказать, что новенького.

– Миндальный. – Энн зажмурилась. Она вскипятила молоко с помощью капучинатора, мягко влила в него кофе и подала напиток детективу в картонном стаканчике. На мгновение их пальцы соприкоснулись. Как в кино. Энн вспыхнула и улыбнулась. Она всегда улыбалась, когда смущалась. Не улыбались только глаза.

– Я люблю миндаль.

Аксель взял кофе, расплатился и замер, рассматривая девушку. Зеленые глаза смотрели на него пристально, темно-медные волосы сияли, отражая утренние лучи, которые заливали кофейню через огромное окно. Пожалуй, он не будет заезжать со стажером в «Совушку», кофе они будут покупать здесь.

– Но не любишь сладкое. Пей свой кофе.

– Ты будешь здесь вечером?

Энн покачала головой.

– Я работаю до часу, потом на стажировке. А потом буду спать. Приходи завтра, я заказала новое молоко – оценишь.

Аксель кивнул. Снова улыбнулся ей на прощание и вышел. Возвращаться в участок не хотелось. Но стоило ему оказаться на улице, мысли о девушке сменились картинками с места преступления. Какие ему отношения? В его буднях слишком много крови и ужаса. И разве он животное, чтобы разделить этот ужас с кем-то нежным и трепетным, как эта девочка из кофейни? К себе детектив вернулся в привычном состоянии черной меланхолии. В армии психотерапевт долго

не мог смириться с тем, что для него это лишь разновидность нормы. Он видит смерть, думает о смерти, дарит смерть и уходит от нее, ничего по этому поводу не испытывая. Его цели коротки, как приказы. И общее существование лишено смысла. Но он не был подвержен депрессии. Просто делал свою работу, как многие соратники. Но в десять раз лучше, чем любой из них.

Сотовый заверещал. Детектив, успевший взлететь на третий этаж, где располагался кабинет, с недовольным видом ответил:

– Грин.

– Зайди к Старсгарду в восемь сорок пять, – приказала трубка голосом Этьена Боннара.

– Хорошо. Один?

– Один.

– Будет сделано.

Боннар отключился, а детектив помрачнел еще больше. С Найджелом у Акселя были своеобразные отношения. Они друг друга не трогали без веской причины, молчаливо уважая и обходя стороной. И детектив предпочитал, чтобы так оно и оставалось, но этим утром многое шло наперекосяк.

Аксель уселся за стол, вытянув длинные ноги, поставил кофе и смежил глаза. Коллег бесила его привычка думать с закрытыми глазами. Они считали, он беспардонно спит, но каждый раз удивлялись, когда он «выныривал» из этого состояния либо со стройной версией, либо с новой идеей. Но

в этот раз его мысли предательски вернулись к Энн и к тому непонятному теплу, которое обдало его с ног до головы, когда он почувствовал ее прикосновение. Пусть Логан узнает, где она учится. Если получится, он бы заехал. Интересно, как она отнесется к мотоциклу? Нужно снять с него мешок с одеждой и сдать в прачечную. Домой он точно не вернется в ближайшие дни.

Старсгард ждал его в кабинете, отвернувшись и сомкнув руки за спиной. Его могучая двухметровая фигура выглядела угрожающе, но на Акселя практически не действовала. Оба военные, они чувствовали друг друга на расстоянии и прекрасно знали, кто на каком месте находится. Субординация – золотое правило для любого солдата. И для любого офицера. Старсгард руководил управлением, а звание Акселя Грина осталось засекреченным вместе со всем досье. Ему не было позволено использовать прошлые заслуги и прежнее влияние, чтобы через него никто не мог докопаться до таких вещей, до которых докапываться не следует. Но Найджел, смотря на подчиненного, понимал, что тот не просто солдат. И обращался с ним соответствующе.

– Входите, детектив, – проговорил шеф, разворачиваясь. – Я ознакомился с делом Рафаэля. Это... впечатляет.

Рафаэль. Так команда прозвала маньяка с легкой руки молодого патологоанатома, проводившего вскрытие.

– Это правильное слово, – проговорил детектив. – Хотя я могу выразиться проще. Я в ужасе.

Найджел посмотрел на него долгим взглядом светло-голубых глаз. Он выглядел как американская модель-бодибилдер, но внешность обманчива, и за каменным лицом скрывался недюжинный ум все на свете повидавшего офицера и опытного управленца.

– Я хочу, чтобы ты контролировал это дело от начала и до самого конца. Сегодня сформируем приказ, по которому выделим следственную группу в самостоятельный отдел. Ты руководитель, отчитываешься только мне. У всех участников дело Рафаэля – абсолютный приоритет.

– И кто будет в следственной группе?

Найджел сел за стол и достал бумагу с соответствующим списком.

– Ты, Карлин, Тресс, Логан на подхвате и еще несколько человек по мелочи.

Аксель пожал плечами.

– Ты отправляешь нас на войну?

Старсгард снова посмотрел на Грина. Его не удивила некоторая фамильярность, хотя мало кто в управлении себе такое позволял. Его удивила формулировка, но он ничем не выдал своей реакции. Этот человек никогда не показывал того, что скрывал на душе.

– Война становится войной тогда, когда начинают гибнуть дети. Все остальное – столкновение, операции, но не война. У нее нет лица и нет смысла, она приносит только хаос и разорение. Вспомни, Грин, каково это. Вспомни, что ты почув-

ствовал, увидев первую жертву. Тот, кто делает это, должен быть нейтрализован как можно скорее. Воспринимай это как секретную миссию, которую невозможно провалить.

– Слушаюсь, сэр.

Грину не понравилась аналогия, но он понимал, что шеф чертовски прав. И группу он собрал по-настоящему звездную, если не считать новеньких в полиции. В следственной группе может быть только один способ оценки эффективности: какое количество жертв им придется расследовать. Как быстро они поймут, с кем имеют дело, и найдут способ его остановить. Акселю хотелось бы верить, что Хавьер станет единственной жертвой, но он был достаточно опытен и умен, чтобы понимать: это только начало и улик нет.

* * *

15:45. 5 апреля 2001 года

Треверберг Plaza

Через помощницу Найджела Миру он назначил на девять утра следующего дня первый сбор следственной группы, отдал распоряжение выдать им копию дела и все собранные материалы, вызвал Говарда и отправился на встречу с отцом жертвы. Говард приехал на такси, Аксель – на мотоцикле. Самолет Джона Броуа приземлился в семь утра в Праге, к двум часам дня он должен был добраться до Треверберга.

Детектив отметил, что доктор Броу не стремится встретиться с женой и не торопится домой. А сама миссис Броу, если верить поставленным наблюдать за ней полицейским, не вылезала от подруги, молодого редактора, работавшего в «Сандерс пресс». Грин приказал оставить все как есть.

Он занял столик в углу зала в ресторане при отеле, заказал себе кофе, снова вспомнив Энн, и раскрыл блокнот, где рисовал схемы и связи. Посмотрел пару секунд и закрыл блокнот. Взял телефон и набрал номер Миры.

– Слушаю? – немного удивленно спросила она.

– Мира, можешь сделать для меня доброе дело?

– Хоть тысячу добрых дел, детектив. Но по твоей задаче я все сделала.

– У меня другая просьба, – Аксель подумал, что он полный идиот, но продолжил: – Рядом с управлением есть небольшая кофейня. Название точно не помню, что-то типа «Кофедом» или «Кофеежка».

– «Кофейный дом» она называется, а что? Купить тебе кофе, красавчик? – Мира хохотнула.

– Нет, найди мне телефон баристы Энн.

Мира присвистнула.

– Энн Лирна владеет этой кафешкой. И работает там же. Ладно, найду. А что мне за это будет? Поужинаем?

Аксель улыбнулся трубке.

– Нет, Мира, не поужинаем, и ты это знаешь.

– Да, да, мне надо уволиться, и только потом Аксель Грин

увидит что-то дальше своего носа, я помню. Я ревную, между прочим.

– Ничего личного, просто достань мне ее телефон.

– Да, сэр.

Грин отключился. Их диалоги с Мирой последние пять лет были одинаковыми. Она привыкла к острым шуточкам полицейских, сама над ними подтрунивала и в целом вела себя свободно. Все понимали, что за этими шутками ничего не стоит. Аксель старался не задавать себе вопрос, зачем он попросил раздобыть номер Энн. Но он точно знал, что не позвонит.

Говард Логан вошел в ресторан с таким видом, будто он здесь каждый день обедал. Новая рубашка идеально отглажена, волосы аккуратно пострижены. Карие глаза цепкие и холодные. В этом юноше было слишком много мглы. Мглы из тех, которую не каждый психиатр сможет разглядеть. Говард выглядел уставшим.

– Ты опоздал, – вместо приветствия сказал Аксель, у которого стремительно портилось настроение.

– Звонил Джон Броу, сказал, что задержится минут на тридцать. Ты кофе выпил, я – нет. Могу воспользоваться моментом?

Грин кивнул, отложил блокнот в сторону и откинулся на стул, терпеливо смотря стажеру в лицо. Тот позвал официанта, заказал эспрессо и наконец скупой улыбнулся.

– Я был в участке, разговаривал с Карлином. Завтра в де-

вать общее совещание?

– Да. Нам выделили команду, вас нужно друг с другом познакомиться. И собрать всю информацию, которую удалось нарыть за два дня.

– Кровь бурая, – неожиданно вставил Логан. – Я думаю, он забыл пришить крыло до того, как приклеил тело на ватман, потому что кровь начала сворачиваться и темнеть.

– А разве он не сначала закрепил тело, а потом нанес рисунок?

– Нет, – покачал головой Логан. – И в этом была его ошибка. Больше он так делать не будет. Он хочет увидеть совершенный рисунок, запечатлеть его, насладиться им. До того как кровь окислится и станет бурой. Он хочет видеть яркие краски, полные первозданной красоты. Он хочет видеть свою фреску.

Стажер говорил это с таким видом, что у Грина пробежал холодок по спине.

– Это Карлин сказал?

Отрицательный жест.

– Нет, я просто знаю, что прав. У него есть два пути. Либо он будет искать детей с нарушениями свертываемости крови. Либо начнет кормить их антикоагулянтами² и будет пробовать разные препараты. Я пока не понимаю, насколько он

² *Антикоагулянты* (от анти... и лат. *coagulans*, род. падеж *coagulantis* – вызывающий свертывание) – химические вещества и лекарственные средства, угнетающие активность коагуляционного гемостаза (свертывающей системы крови) и препятствующие образованию тромбов (Википедия).

разбирается в медицине и химии. И точно не понимаю, в чем его конечный замысел. Он художник, он создает ангелов. Нет. Он рисует ангелов. – Логан надолго задумался, прикрыв глаза.

Грин поймал себя на мысли, что склонен разделить гипотезу Говарда. И, пожалуй, он даже не удивился. Карлин предупредал о том, что парень мыслит странно. Но даже он вряд ли мог ожидать, что стажер начнет выдавать такие тонкие вещи относительно мотивов маньяка.

– Только время покажет, прав ты или нет, Логан, – спокойно проговорил Аксель. – Я склонен тебе верить, но пока это бездоказательно, не смогу построить на твоём предположении все расследование. Но при первой зацепке вспомню. Не хочу это говорить, но нам нужен еще один труп, чтобы чуть ближе подойти к личности маньяка. И оттуда уже к его поимке.

– Ты все время выбираешь, – задумчиво проговорил стажер, – принять быстрое решение и скорее всего ошибиться или же подождать, дать кому-то умереть, но в конечном итоге ударить без промаха. Знаешь, детектив, я пока ничего не чувствую при мысли о том, что дети будут гибнуть. У меня что-то не в порядке с головой?

Аксель усмехнулся.

– Просто ты привыкаешь к работе в полиции. А вот и доктор Броу.

Логан улыбнулся и увидел на входе мужчину откровенно

восточной внешности: карие раскосые глаза, черные волосы, вытянутое лицо с резкими чертами. Полукровка. Европейская и китайская кровь смешались в жгучий коктейль. Женщины любили таких мужчин. Броу выглядел изможденным. Заметив полицейских, он подошел к ним, поздоровался, сел за стол и в свою очередь заказал кофе.

– Спасибо, что приехали, доктор Броу, – начал Аксель, с вежливым вниманием рассматривая Джона. – Я детектив Грин, Аксель Грин, со мной офицер Говард Логан. Нам нужно задать вам несколько вопросов.

Тот неопределенно покачал головой.

– Перед моей женой была поставлена предельно простая задача. Заниматься домом и сыном. И что в итоге? Эта женщина наняла няню, домработницу и ускакала доказывать, что женщины тоже способны зарабатывать деньги.

– Расскажите, когда вы были в Треверберге в последний раз, вы куда-то ходили всей семьей?

Джон залпом выпил кофе, поставил чашку на стол и попросил повторить. Повернулся к Акселю, безошибочно определив, что именно он здесь главный. Говард, напротив, чуть отстранился, чтобы смотреть на происходящее со стороны. Он внимательно наблюдал, сощутив глаза.

– Месяц назад был, – ломано проговорил Броу. – Ходили... куда же мы ходили. Ездили выбирали частную младшую школу, хотели отдать Хави туда пораньше, он подавал надежды и мог пойти по моим стопам. Были в городской кар-

тинной галерее, у жены там назначилась какая-то встреча, а мы с сыном сидели в кафе и ждали ее. Потом... кино, пара ресторанов. Я могу составить список и передать вам, детектив Грин.

– Буду благодарен. Любая, даже самая незначительная деталь может нам помочь. Ваш дом не взломали, замок не сбивали. Это значит, что ключ выкрали, или убийца знал, где лежит запасной, или попал в дом как-то еще.

– Вы думаете, он выбирал... осознанно выбирал моего сына?

– Он создавал ангела, – неожиданно вступил Говард. – Ваш сын – ангел.

Джон закрыл лицо руками, но уже через мгновение положил ладони на стол и оглядел полицейских холодными глазами ученого.

– Это правда, – подтвердил он. – Ангел. Был. Простите меня, детективы, я могу нести чушь. Не каждый день узнаешь о смерти собственного сына... о такой чудовищной смерти.

– Соболезную вашей утрате, – тихо проговорил Грин, отвернувшись. За десять лет в полиции он привык произносить такие фразы, но в этот раз дело и правда обернулось чудовищно.

– Вы допросили мою жену? Она сказала что-нибудь? Она знает что-нибудь?

– Она убита горем, доктор Броу. Алиби подтвердилось, подозревать мы ее не можем – во время убийства у нее были

клиенты.

Джон взмахнул рукой.

– Я напишу вам список посещенных мест, но большего не просите. Не смогу помочь. Как видите, я был в другой стране. Остановлюсь здесь. Звоните, если что-то узнаете.

– Да. Обязательно.

Аксель поднялся с места, пожал мужчине руку и развернулся к выходу.

– Детектив Грин. Поймите этого мерзавца.

* * *

17:53. 5 апреля 2001 года

Аксель сел на мотоцикл и достал из внутреннего кармана куртки телефон. Говард уехал в участок, детектив же решил, что ему нужно домой. Он почти не спал из-за кошмаров и волновался за Сару. Нужно провести ее, проверить аптечку, оставить денег сиделке и взять партию сменной одежды и рюкзак. Неотвеченных, к счастью, не было. Лишь одинокое сообщение от Миры с номером Энн. Детектива пробрало удушающей волной. Он и забыл про свою просьбу. Он смотрел на цифры, гадая, как лучше поступить. Позвонить ей? Или рано утром снова зайти за кофе? Или стереть это сообщение, перестать пить кофе и выбросить ее из головы?

Вместо этого он сделал совершенно другое. Он закрыл по-

ле сообщений, залез в контакты и набрал номер одного из специалистов отдела киберпреступлений. Марта взяла трубку на третьем звонке.

– Аксель! Я думала, ты про нас забыл. Как ушел в свои особо тяжкие, так и все, ни слуху ни духу.

– Привет, дорогая, – улыбнулся он. – Прости. С меня целая коробка горячих пончиков и кофе на всех. Сделай доброе дело? Ты можешь установить слежку по номеру телефона? Для меня.

– Ты меня пугаешь.

– У меня есть номер телефона. Я хочу знать, где бывает его владелец.

– А. Никакой прослушки, просто локация? Это легко, мы тут не нужны.

– Я больше никому не доверяю. Только тебе.

– Ты старый кот, Грин. Сделаю. Кидай номер. Две коробки пончиков.

– Две коробки пончиков. Кофе на всех. И сертификат в салон красоты. Никому ни слова.

– Идет.

5. Аделия Ковальская

18:43, 5 апреля

Бизнес-центр «Треверберг», деловой квартал

Доктор Аделия Ковальская любила приезжать в Треверберг из родной Варшавы по двум причинам. Во-первых, по ее мнению, здесь жили и работали самые красивые люди в мире. Во-вторых, здесь к ней обращались только лучшие представители города. Она открыла практику всего пару лет назад, но уже обзавелась нужными связями и клиентами. Расписание было забито на несколько месяцев вперед. Аренда и командировки отбивались десятикратно. Да и случаи в массе своей были интересные. Творческие люди, политики, бизнесмены. Ей нравилось разгадывать загадки, нравилось выводить людей из лабиринтов их мыслей, болей и изломов. Находить зажимы и помогать их исправлять.

Аделия традиционно останавливалась в одном и том же номере отеля Plaza, которым владела Теодора Рихтер, местная бизнесвумен. Доктора здесь знали, уважали и любили. Она пользовалась преимуществами премиальной карты лояльности, с достоинством принимая мелкие одолжения, заботу и подарки от отеля. Ковальская бывала здесь каждый месяц. И каждый месяц ее ждали корзина фруктов, бутылка «Вдовы Клико» и сертификат на спа. Она приезжала обычно

поздно вечером. Отдыхала в ресторане, иногда знакомясь с кем-нибудь, и тогда шампанское и фрукты использовались по прямому назначению, но чаще шла в спа, брала с собой книгу и долго читала в номере под тихую музыку. Она любила проводить время наедине с собой. Эти минуты позволяли хорошо делать свою работу.

Она приехала второго числа и уже приняла пятнадцать пациентов. Последний на сегодня, Самуэль Мун, должен был появиться с минуты на минуту. Аделия знала, что Сэм часто опаздывает и не ценит чужое время, и даже на прием к ней он далеко не всегда приходил вовремя. Лекции о причинах такого поведения хватило, чтобы художник решил больше не нарываться, но доктор считала, что это только начало. Самуэлю Муну нравилась Ковальская. И было лишь одно маленькое «но», которое останавливало его стандартный сценарий «увидел, захотел, получил». Она не заводила романов с пациентами, каждый из них подписывал договор на услуги, в котором содержался недвусмысленный пункт, накладывающий запрет на любые заигрывания. Ветреный и свободный художник считал себя обязанным оказывать внимание каждой красивой женщине и искренне не понимал, когда его поведение порицалось. Ему было плевать на штрафы по договору, но Аделия при первом контакте была тверда и сказала, что при любой попытке за ней ухаживать разорвет контракт и занесет его в черный список. Как и любого другого. Сработало.

Аделия стояла на небольшом балкончике и курила. Она долго выбирала себе такое место для работы, чтобы между пациентами была возможность отдохнуть. Удивительно, откуда в центральном районе города появился небольшой уютный сквер, но окна кабинета доктора Ковальской выходили именно на него. Было приятно смотреть вниз на макушки деревьев и проглядывающий каскад маленьких прудов, соединенных деревянными мостиками, и ни о чем не думать. Пациенты в Треверберге были сложными, и доктор делала все, чтобы сохранять баланс сил. Природа восстанавливала даже лучше, чем хороший секс.

Аделия стряхнула пепел в небольшую хрустальную пепельницу. Ее удивили утренние газеты. Убит мальчик. Доктор понимала психологические процессы, которые могут привести к такому результату. Но одно дело – понять, а другое – принять. И ее сознание отказывалось верить в мир, где подобные убийства были нормой. Врачебный цинизм уходит в сторону, когда речь идет о детях. Все привыкли к жертвам-взрослым: изнасилования, убийства, садизм вошли в жизнь уверенно и прочно. Но вся логика и защитные барьеры рассыпались в пыль при виде ужаса, который произошел. Рафаэль, так его окрестила полиция. Газеты быстро подхватили новое прозвище, строили гипотезы. Им практически не дали информации, но самого факта странного убийства хватило, чтобы молва разнеслась по городу. Все молчаливо сходилось в одном: будет серия. Серия – это новый уровень, это

долгосрочный хлеб для журналистов, это донор для истериков, это работа для полицейских.

Аделия потушила сигарету. Еще пару минут смотрела на сквер, а потом вернулась в кабинет. Ее голова была ясной, мысли – спокойными. Еще один прием, поговорить со стажером об итогах дня, дать ей домашнее задание и отправиться в отель. Выспаться, принять еще пациентов, а через несколько дней вернуться в Варшаву. И в следующем месяце все по кругу. Она сварила себе кофе в стоящей тут же кофемашине и принялась ждать.

* * *

18:59

Самуэль не опоздал. Он вошел в кабинет за минуту до назначенного времени. Доктор Ковальская успела допить кофе. Она встретила клиента в кресле, закинув ногу на ногу и откинувшись на мягкую спинку. Художник поздоровался, обойдясь без привычных смачных комплиментов, снял бежевый плащ, повесил его на небольшую вешалку, бросил дипломат на стул и прошел к своему месту. Он выглядел опечаленным.

– Я только что разговаривал с Джоном Броу, – без предисловий начал художник. – Это отец мальчика, которого убили. Вы наверняка слышали про Рафаэля, его работа. Так вот,

Джона из США вызвали наши полицейские.

– И что же сказал Джон?

– Он в шоке, – заявил художник, привычным жестом отбрасывая волосы со лба. – Винит во всем жену, потом просит прощения. Плачет.

– Слезы помогают не сойти с ума в такой ситуации. Можете передать ему мою визитку, я буду рада помочь пройти это.

Сэм улыбнулся. Улыбнулся обворожительной и усталой улыбкой взрослого, утомленного успехом человека. Его серо-зеленые глаза без интереса скользнули по лицу Аделии и остановились на пустой чашке из-под кофе.

– Мы познакомились с ним несколько лет назад. Я строил поселок, в котором Джон купил дом. Тогда я самостоятельно вел сделки. Он показался мне забавным, сумасшедшим ученым. А еще – очень счастливым человеком. У меня тогда не все ладилось в браке, и его откровенное счастье с женой казалось мифом. Или чудом. И вот как оно обернулось.

– Есть вещи, Сэм, которые не зависят от того, что было до.

– Одна мысль мне не дает покоя, – будто не услышав ее, продолжил Самуэль. – Будут ли еще убийства? И если будут, то где. Очень надеюсь, что этот псих обойдет стороной мой поселок.

– Вы говорите так, потому что боитесь, что его имя свяжут с вашим? Или потому, что такая связь повлечет за собой убытки?

Мун вздрогнул.

– Вы, как всегда, жестоки, доктор, – чуть слышно проговорил он. – Меня беспокоит и то, и то, если говорить откровенно. Но деньги я смогу заработать, с ними нет проблем. А вот репутацию восстанавливать будет значительно сложнее.

– Вы боитесь только за это, Сэм? – Аделия изобразила недоверчивость. – Никакого страха за своих детей или детей близких?

Он улыбнулся и покачал головой.

– Я не думаю, что этот псих настолько псих, чтобы навредить мне, или моим детям, или детям моих друзей. Полиция молчит, а я не специалист, чтобы строить догадки, почему он так сделал, почему выбрал именно этого мальчика и что за послание к ангелам.

– А как вам предположение, что он художник, как и вы?

– Все творческие люди немного сумасшедшие, доктор Ковальская, вам ли этого не знать.

Аделия вернула ему улыбку. Сэм странно нервничал. Он не находил себе места, хотя и старался держаться. Доктор чувствовала это напряженное состояние и ждала, пока он достаточно расслабится, чтобы поделиться с ней. Сэм начал к ней ходить после смерти жены, и с течением времени их беседы превратились в слив эмоций, глубокой терапии ему не требовалось. Аделия предложила остановить курс за ненужностью, но художник отказался, был согласен платить больше. Иногда он говорил что-то интересное, и тогда доктор понимала, что это не пустой заработок денег, а ра-

бота. А как-то он принес ее собственный портрет. Маленький, аккуратный, выполненный маслом в фирменной технике Муна. Почти фотография, а не портрет. Аделия не спала с клиентами. Но кто запретит ей принимать от них подарки?

– Есть еще кое-что. Тео отказывается стать моей женой.

Доктор Ковальская посмотрела на художника удивленно.

– Я полагаю, вы имеете в виду мисс Рихтер?

– Кого еще, – с грустной миной проговорил художник. За несколько секунд он полностью изменился. В нем больше не чувствовалось затравленного зверя, он стал похож на влюбленного подростка, который не знает, как подойти к девушке, которая ему понравилась. О Теодоре он рассказал Аделии почти сразу. О том, как она хороша, что рядом с ней он чувствует себя молодым и сильным, что она не просто красивая женщина, но и талантливый человек. Он влюбился, а когда Сэм влюблялся, весь мир уступал место его новому увлечению. Все разговоры были только о Тео, все переживания только о ней, все картины были посвящены ей. Аделия знала, что он сделал предложение и получил отказ. Теодора и Сэм жили вместе несколько месяцев, и последний думал, что этого достаточно, чтобы ее позиция изменилась и в паспорте появился очередной штамп. Но что-то пошло не так.

– И как она аргументирует отказ?

– Не знаю, я повторно предложение не делал, но мы договорились, что она скажет, если что-то изменится.

– Самуэль, на моей памяти вы впервые пасуете перед лю-

бимой женщиной.

Он пожал плечами:

– Она другая. Мне кажется, что, если я снова предложу ей пожениться, она соберет вещи и уйдет.

– Почему вы так думаете?

– Я почти вдвое старше, она слишком хороша. Из великолепной семьи, с блестящим образованием.

– То есть вы считаете, что вы ее недостойны.

Сэм вспыхнул.

– Ну нет. Я считаю, что это лучшая женщина на Земле.

– А как устроен ваш быт? Она холодна с вами?

Он покачал головой:

– Нет, конечно. Очень мила, нежна и заботлива. Я чувствую себя рядом с ней живым. Это сложно объяснить. Я знаю многих женщин. В том числе тех, кто моложе Тео и, может быть, даже где-то красивее. Хотя это сложно. – Сэм задумался. – У Тео особенная красота. Я не понимаю, как ее описать словами. Но когда рисуешь, чувствуешь каждый штрих. Ты ее снимаешь слой за слоем, а там не видно дна. Ты видишь черты лица, оттенок глаз, эту удивительную окантовку радужки, будто вылитую из темного металла, обычный вроде бы черный антрацитовый, но такой удивительный оттенок, будто ее волосы поглощают свет, а не отражают его, и при этом волшебный блеск. Теодора – это нарушение всех возможных законов оптики. Наверное, вы правы, доктор. Впервые в жизни я боюсь потерять женщину. Я боюсь, что в ка-

кой-то момент она скажет: все, Сэм, я ухожу.

– И поэтому вы хотите жениться?

Мун пожал плечами.

– Зачем ее компрометировать свободными отношениями?

– А что изменит брак?

– Ну как. Она возьмет мою фамилию.

* * *

19:58

Аделия терла тонкими пальцами виски. Эта беседа с Самуэлем почему-то выбила ее из колеи. В художнике образовался какой-то излом, который не удавалось ухватить, разобрать и сгладить. Он переживал свой кризис, с одной стороны, совершенно обыкновенно, а с другой – как-то по-своему. Накладывало отпечаток все. Его безудержность в плане женщин, его молоджавость, успех, известность. За Муном охотились светские львицы Треверберга. Он щедро одаривал своих любовниц, одной даже подарил дом в том самом поселке Художников. Но после встречи с Теодорой, видимо, в нем все перевернулось. А когда она ответила ему взаимностью, он превратился в юнца, который не знает, как подойти к девушке. Аделия поймала себя на мысли, что была бы не прочь познакомиться с мисс Рихтер поближе. Если даже знамени-

тый Казанова Самуэль Мун говорит об этой женщине на сеансах со своим психотерапевтом, значит, она действительно чего-то стоит.

В дверь постучали. Доктор вздрогнула. Она совершенно забыла про стажерку. Зеленоглазое лицо Энн Лирны показалось в дверном проеме.

– Можно, доктор?

– Заходи. Прости, я совершенно вымоталась.

Энн просочилась в кабинет. Она держала у груди папки с сегодняшними пациентами.

– Я закончила все задачи. Все подтвердили запись на следующий раз, прозвоню их за день.

– Хорошо, спасибо. – Аделия протянула руку, и Энн вложила в нее все папки. – Такими темпами придется оставаться здесь дольше.

– Или открыть клинику и переехать в Треверберг.

Аделия с улыбкой покачала головой:

– Не думаю, что это осуществимо в ближайшее время. Я не стану закрывать практику в Варшаве.

Энн улыбнулась. Доктор Ковальская взяла ее к себе несколько месяцев назад, и пока мисс Лирна выполняла функции секретаря. Она оформляла истории болезни, созванивалась с пациентами, вела расписание, следила за платежами за аренду помещения, отеля и прочими. Словом, взяла на себя весь организационный блок, Аделии оставалось только приезжать и хорошо делать свою работу. Лирна учи-

лась на психиатра и хотела посмотреть, какова работа частных специалистов изнутри. А еще она варила совершенно волшебный кофе и злилась, когда Аделия пользовалась кофемашиной. Но иногда было проще налить себе чашечку эспрессо, чем отрывать Энн от работы и просить ее приготовить что-нибудь эдакое.

Аделия внимательно посмотрела на девушку. Энн собрала волосы в хвост, чтобы не мешались. По-прежнему почти без косметики, но подчеркнула ресницы и губы, как того требует должность. К счастью, таких падких на женщин пациентов, как Самуэль, у Аделии больше не было, а Сэм слишком увлечен своими неурядицами с любовницами, чтобы добавлять себе еще одну женщину.

– Ты можешь идти домой, твоя помощь сегодня больше не понадобится. До встречи.

6. Марк Карлин

Центральное управление полиции Треверберга

8:43, 6 апреля 2002 года

Марк Карлин не помнил своей жизни до работы в полиции. Все, что не было связано с профилированием и расследованием убийств, откладывалось в долгий ящик и тщательно закупоривалось, освобождая место для действительно важных вещей. Когда Аксель Грин вернулся из армии, поступил в академию и подал запрос на стажировку в полицию, Карлин еще не знал, что этот странный юноша станет ему близким другом. Отчужденный и холодный, перенесший, судя по всему, череду серьезных травм, Грин проявил себя сразу же. Коллеги отметили его странную манеру сопоставлять факты. Но когда он поймал своего первого маньяка, для полиции Треверберга что-то изменилось навсегда. Вопреки традициям управления Грин не горел желанием формировать постоянную команду. Руководство пошло ему навстречу, обеспечив полную автономность. И единственным специалистом, с кем молчаливый детектив работал постоянно, оставался Карлин. Сам же Марк принадлежал всем детективам, кто тем или иным образом соприкасался с сериями. Помимо Карлина единственным человеком, с кем Аксель соглашался работать больше, чем один раз в пяти-

летку, стал заместитель руководителя криминалистической экспертизы Артур Тресс, один из опытнейших сотрудников управления, он участвовал в самых громких расследованиях. Иногда эти громкие расследования объединяли Грина, Карлина и Тресса в одной команде. Так случилось и в этот раз. Старсгард железной рукой выбросил на доску свои лучшие фигуры, не заботясь о том, чтобы они между собой ладили.

Доктор Марк Карлин, который не спал уже двое суток, явился на планерку раньше всех. Ему нравился драйв, который дарило каждое сложное дело. Гибли и пропадали люди, разрушались семьи, но полицейские жили в этом ежедневно и давно потеряли способность сопереживать каждой жертве очередного преступления. На работу они шли с удовольствием, с ужасом, с надеждой. Шли, приходя раньше назначенного и уходя намного позже. Карлин, пусть и не являлся следователем или детективом, исключением не был. Психиатр, специалист по профилированию, он руководил отделом психологической экспертизы и буквально погружался в личину монстра каждый раз, когда того требовало дело. Рафаэля прочувствовать еще не удавалось, но Марк искренне верил, что рано или поздно он встретится с ним лицом к лицу и узнает его. И тогда Грину и команде останется его только схватить.

Детектива Грина он нашел сидящим в кабинете со стаканчиком дрянного кофе из автомата в руках. Светлые волосы

Грин собрал хвост. Детектив так делал всегда, когда хотел сосредоточиться, отстраниться. В этот раз причиной послужила грядущая планерка. Судя по всему, Аксель был не рад решению руководства, но спорить с ним не стал, понимая всю тяжесть ответственности перед городом за то, что сотворил Рафаэль. Грин полулежал в кожаном кресле, откинувшись на спинку, и смотрел на свою белую стену фактов и улик. Карлин бы добавил: стена фактов, улик и интуиции, разделяя зоны между собой, Грином и Трессом, но ни разу так и не озвучил это даже в шутку. Услышав шаги, детектив медленно повернул голову. Его строгое лицо осветилось улыбкой при виде друга, но уже через мгновение спокойный взгляд синих глаз вернулся к стене.

– Доброе утро, – поздоровался Марк. – Прости, я не успел толком собрать материал по твоей вчерашней просьбе.

– Какой просьбе? – почти с удивлением спросил Грин вместо приветствия.

– Сара.

– А. – Аксель допил кофе и выбросил стаканчик в мусорное ведро. – Я и не ждал быстрого ответа. Это, – он кивнул на доску, – важнее всего.

Марк положил папку с делом Рафаэля на стол и выбрал кресло помягче. Аксель следил за ним немигающим взглядом. Он выглядел изможденным, но Карлин хорошо его знал. Жизнерадостным друг не был никогда, а в стабильное состояние сможет вернуться только после поимки преступ-

ника.

– Есть несколько вариантов, – проговорил профайлер. – Я подумаю, позже решим.

Грин кивнул:

– Без проблем. Это длится так давно, что я и забыл, что есть такая проблема. Сиделка сказала, что приступы участились после убийства. Газетчики опять разнесли информацию по крупницам, но даже намек ей хватило. – В его голосе впервые скользнуло что-то слишком напоминавшее неприятие. Раньше Аксель позволял себе лишь легкую усталость, когда говорил про Сару, но сейчас Карлин отчетливо увидел, что друг на грани.

– Она потеряла ребенка и мужа при прошлой «детской» серии, – тихо сказал Карлин, стараясь смягчить произнесенное. – Толчком могла стать любая деталь, даже самая незначительная. И у нас совершенно нет фактов, чтобы сделать однозначные выводы о какой-либо связи этих двух дел. С учетом того, что перенесла Сара, сам факт смерти ребенка мог стать триггером. Он запустил реакцию.

Грин повернулся. В его синих глазах Марк ожидал увидеть гнев, холодность или удивление. Или усталость. Но вместо этого столкнулся с непроглядной мглой, которая через пару секунд уступила место обреченности: в дверь постучали.

Не дожидаясь приглашения, в кабинет ввалился офицер Тресс, криминалист, старожил полицейского управле-

ния Треверберга. Без удовольствия, но Грин соглашался работать с ним чаще, чем с другими, понимая, что в какой-то мере они друг друга дополняли. Два интуита, два психа, которые десятым чувством определяли след убийцы и выслеживали его. Один – через криминалистику, другой – через внутреннее чутье. Карлин их разделял именно так.

Офицер Тресс с торжественным видом поставил на стол коробку с выпечкой, несколько чашек кофе и свалился в кресло напротив Марка. На некоторое время в кабинете воцарилось молчание.

– По какому случаю угощение? – спросил Карлин, понимая, что ему, как всегда, придется отвечать за здоровую психологическую атмосферу, которая априори невозможна, когда речь идет о полицейских.

– Ну как, – изобразил удивление Тресс, оборачиваясь на него с улыбкой. – Все как в былые времена. У нас нет улик, нет мотивов, черт знает какой профиль маньяка, черт знает какой способ определения жертвы, обескровленное тело, картина и прочие ужасы. Все, как я люблю. Почему бы не отметить?

Карлин улыбнулся. Аксель остался безучастным.

– Подождем остальных и начнем, – проговорил Артур, не обращая внимания на черную меланхолию детектива. – Судя по всему, Старсгард впился в нас когтями. В ближайшие дни будем мало спать, редко есть и много думать.

– Как будто что-то изменится, – огрызнулся Грин. Он по-

дошел к своей стене, на которой по-прежнему красовалось ничтожно мало фотографий. По сравнению со вчерашним днем появились нити. Жертва плюс все свидетели и участники жизни жертвы за последнее время. Слева внизу – фото мест, где бывали миссис Броу или няня с ребенком. Карлин различил городские улицы, парк, несколько кафешек, галереи, театр кукол. Напротив бумажки с именем няни Марины Зотовой стоял вопросительный знак. У нее было железное алиби, которое подтвердилось проверкой вылетов, а также записью с видеокамер – они засекли автомобиль Зотовой по дороге в Пражский аэропорт. И все же ее показаний не хватало, чтобы до секунды восстановить тот день и попытаться в этой последовательности найти зацепки, чтобы выйти на убийцу. Грин обвел знак вопроса.

В дверь снова постучали, и на пороге появился Говард Логан. Юноша выглядел недовольно, но собранно. Он поздоровался с присутствующими спокойно, как будто сам занимал должность не ниже детектива, выбрал себе стул, хотел было сесть, но вместо этого подошел к наставнику.

– Нужно посмотреть, что собой представляет няня? – тихо спросил он у Аксея. Тот кивнул. Он чувствовал подвох, но пока не понимал, какой именно. И не был уверен, что это чувство связано с Зотовой. Логан безошибочно угадал его настроение и сделал то, что и должен делать детектив. Начал тянуть за ниточки и разматывать клубок.

Артур встал.

– Мы не знакомы. Офицер Артур Тресс, криминалист.

– Говард Логан. Стажер.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Все знали, что Логан также имел должность офицера, но никто из коллег так не обратится к нему, пока не заслужит.

– Ты успел познакомиться с делом, Артур? – спросил он у Тресса, не оборачиваясь.

– Естественно. Доктор Карлин вчера любезно предоставил мне документацию. А судмедэксперты ответили на несколько вопросов. В целом картина сложилась, но вряд ли я смогу добавить что-то новое к тому, что вы уже обговорили. Но я хотел бы съездить на место преступления и планирую сделать это сегодня.

– Возьми с собой Логана, – предложил Грин. – Возможно, вы увидите то, чего не видел я. Говард, договорись с миссис Броу.

Марк встал с места и подошел к стене с фотографиями. Говард и Тресс дружно посмотрели на него.

– Я думаю, нужно повесить карту, – проговорил Говард, разрушая молчание. – Здесь только фото мест, где бывала жертва. И не отмечен дом.

– Позвоню Мире, – отреагировал Тресс. Аксель молча кивнул, позволяя им делать все что угодно. – Пусть принесет со склада карту города.

Он наклонился над столом Грина, взял телефон и нажал несколько клавиш, вызывая секретаря. Короткий диалог с

помощницей Старсгарда полицейские не слушали, они погрузились в созерцание фотографий.

– Нам известно, что у миссис Броу несколько клиентов-художников, – сказал Марк. – Она консультирует их по авторскому праву.

– Вы заговорили про художника, потому что Дуарте обозвал маньяка Рафаэлем? – спросил Логан. Карлин бросил на него короткий взгляд.

– Очевидно, что мы имеем дело с извращенным искусством.

– Маньяк – художник? – спросил Грин.

– Может да, может нет. Может, отвергнутый обществом художник. Или кто-то из свиты деятелей искусства Треверберга. Кто у нас самый известный?

– Самуэль Мун, – не задумываясь, ответил Говард. – Примечательно то, что он является и самым дорогим художником Треверберга, и владельцем поселка, в котором произошло преступление.

Карлин передернул плечами.

– У нас нет ничего на Муна, даже вопросов к нему. Он слишком крупная фигура, чтобы прийти с пустыми руками и начать расспрашивать о маньяке.

– Тогда пошлем Артура, – ответил Аксель. – Тресс – сын одного из партнеров Муна по бизнесу, он сможет поговорить как ни в чем не бывало.

– Эй, давайте не примешивать сюда семейные связи, –

встрял криминалист. – Я с Сэмом пару раз пил на выставках – и только. Не думаю, что мое резкое появление в его жизни останется незамеченным или не вызовет вопросов. И я не понимаю, как вы вообще вышли на Муна, глядя на белую стену с мертвым младенцем. Карта скоро будет.

Дверь открылась, и полицейские дружно обернулись, но это была лишь Мира с картой. Оставив бумагу на столе, она исчезла, чутко определив, что атмосфера в кабинете накалилась до предела.

– А как тебе удалось отхватить такой кабинет? Я тоже хочу белую стену и простор, – продолжил Артур. – И вообще, я работаю здесь дольше тебя, что за черт.

– Давайте начнем.

– Больше никого не будет? – удивился Карлин.

– Нет. Тресс представляет отдел криминалистики, нам его достаточно, он сможет организовать работу коллег. По вскрытию все данные уже у нас. Уверен, мы в начале серии. Хотя сейчас это сложно доказать. Но на самом деле ключевой вопрос только один: когда он убьет снова. И второй. Кого он убьет.

Карлин и Логан взяли карту, развернули ее и прикрепили на свободное место на стене, справа от фото, развешанных Акселем. Красным маркером стажер отметил дом Броу. Перенес на него фото с места преступления.

– Он совершенно точно рисует картины, – начал Марк. – Если вчера у меня были сомнения, то сегодня уже нет. Об

этом говорит все. Он использует кровь в качестве краски. Ватман и стены вместо холста. И строит композицию, в которой жертва становится ангелом, а зритель в первую очередь видит весь масштаб, красные мазки, вписанное в интерьер произведение искусства. Он хочет, чтобы это видели. Хочет, чтобы это вселяло ужас и восторг. Можно с точностью сказать, что это первый опыт. Иначе мы бы уже знали о подобном. Ну и то, как пришиты крылья, говорит именно об этом. Он совершенно спокойно убивает ребенка, не испытывая никаких эмоций, надрезы по венам идеально ровные, их сделали обыденно. Но как только дело доходит до крыльев, все идет не так. Он ошибается.

– Его цель не смерть. Его цель – картина. – С этими словами Говард достал из папки фото с места преступления и разложил их на столе.

– Вот и повод поговорить с Муном, – вынес вердикт Артур. – Мун – признанный эксперт в живописи. Можно привлечь его к делу в качестве консультанта. И в процессе выясним, имеет ли он к этому какое-то отношение.

Логан пожал плечами:

– Здесь нет связи, но в целом ты прав, офицер Тресс. К тому же опрос свидетелей в поселке ничего не дал. Никто ничего не видел, семья Броу образцовая, хотя муж и не бывает дома, ребенок всегда в порядке, чист, одет в дорогую одежду, слуги работают как часы. Словом, все идеально, выбор жертвы неочевиден.

– Есть еще няня. Мы не можем до нее дозвониться. У нее есть алиби, но это не значит, что она не помогла убийце проникнуть в дом. – Голос Грина звучал будто бы издалека. Он сел за стол и прикрыл глаза. – Тресс, Логан, езжайте к Муну. Не забудьте соглашение о конфиденциальности. Доктор Карлин, от вас требуется профиль. Я останусь здесь и попробую еще раз связаться с няней. Мы упускаем самое главное.

– Прошла всего пара дней. Картина сложится, – пообещал Тресс, поднимаясь с места. – Ну что, стажер. Прокатимся?

Дождавшись кивка Грина, они ушли. Карлин остался у стены. Он хмурился, хотя обычно оставался спокойным. Ему не нравилось происходящее. Грин встал, убрал со стола коробки из-под пончиков и кофейные стаканчики и подошел к Марку.

– Ты сейчас думаешь о деле – или тебя беспокоит что-то еще?

Марк устало прикрыл глаза.

– Если честно, все сразу. Я не спал последние дни. Голова соображает плохо. Вернусь домой и буду спать до завтра. А утром выдам очередную гениальную версию. Если убийство повторится, я обещаю, что отменю все командировки и буду здесь с тобой.

– Спасибо.

11:45

Марк Карлин работал в полиции так давно, что не помнил, каково это – просто прийти домой, побыть с семьей и не думать о маньяках. Сейчас он много преподавал, постоянно находился в командировках, что не мешало ему руководить недавно сформированным отделом психологической экспертизы, быть на хорошем счету у начальства и принимать участие в сложных расследованиях. В свои тридцать пять лет Карлину удалось достичь существенно большего, чем многим коллегам. Но за любой успех назначена своя цена, и Марк не был тем исключением, о которых пишут в дешевых романах. Он платил за это семейным счастьем.

С женой, Урсуллой Логги, он познакомился около шести лет назад, женился в 1996-м, вскоре у них родился сын. Йорну было уже два с половиной года, но Карлин до сих пор не понимал, как правильно общаться с ребенком, и, казалось, позабыл, как правильно общаться с женой. Он слишком много работал, и если в первые месяцы отношений это восхищало Урсуллу, мотивировало делать ему сюрпризы, ухаживать за ним и всячески налаживать быт, то к настоящему моменту стало проблемой. Марк понимал на уровне психологии, что происходит, но даже лучший специалист, все понимающий

щий и принимающий, перешагивая порог собственного дома, хотел немного побыть просто человеком. Просто мужчиной, который вернулся в дом, где его любят и ждут.

Вместо любви все чаще его ждали холодность, обида, претензии и истерики. Сначала Марк пытался что-то объяснить. Они бурно ссорились, бурно мирились, он клялся в том, что любит ее, несмотря ни на что. Потом они снова бурно ссорились. Потом в его жизни появилась Кейра. А сейчас они с женой даже перестали разговаривать. Урсулла засыпала до того, как он возвращался, он уходил раньше, чем она вставала. Сына Марк почти не видел, им занималась няня. Жену видел и слышал в основном по телевизору, который включал во время тренировок. Урсулла была специальным корреспондентом центрального тревербургского канала. Она вела светскую хронику, отвечала за своевременные репортажи со всех культурных мероприятий. Милая внешность, уникальное чувство стиля, подвешенный язык и удивительная манера общаться, которая выдавала в ней французские корни, когда-то покорили самого Марка, а теперь покоряли миллион жителей города.

Карлин припарковал машину в гараже. Нужно было выйти, закрыть ворота, отправиться в дом, поговорить с Урсуллой, если она здесь, а потом лечь спать. Он хотел предложить жене дать друг другу еще один шанс. Хотел объяснить, как важно то, что он делает. Она должна понять. Она умная и красивая девочка, не может так произойти, что она его

окончательно оттолкнет. Но сил на то, чтобы просто открыть дверь авто и выйти, не было. Карлину захотелось закурить. Недостаток сна его убивал, нужно исправить это немедленно. Он терял хватку и способность анализировать, поэтому не мог понять ничего сверх того, что было очевидно в деле Рафаэля.

Домой он смог подняться только через полчаса. Оставил дипломат в прихожей, повесил плащ на вешалку там же и огляделся. Дом сиял первозданной чистотой. Он находился в старой части города, в нескольких милях от поселка Художников, и представлял собой огромное здание конца девятнадцатого века, которое построил предок доктора, Себастьян Карлин, известный деятель юриспруденции и основатель династии. Сейчас родственников у Марка не осталось, дом отошел ему в безраздельное пользование, а когда-нибудь он перейдет Йорну. После свадьбы с Урсуллой Марк серьезно обновил здание, сделал капитальный ремонт и пристроил веранду.

– Какие люди, – вместо приветствия сказала Урсулла.

Карлин вздрогнул. Он не ожидал увидеть жену дома в обед и в глубине души даже надеялся, что ее не будет.

– Решил сделать исключение и прийти домой пораньше.

– Да? – Миссис Карлин передернула точеными плечиками. Волосы, уложенные в замысловатые локоны, блестели. – А я думала, у тебя очередной маньяк. Как же великий доктор Карлин обойдет стороной такое интересное дело?

– Дело не в интересе, Улли, дело в том, что этот псих будет убивать.

Она картинно приложила ладонь к ярко окрашенным губам.

– Да? Маньяки убивают? Какие новости! Вам за это обязательно должны дать премию. Нет, три премии доктору Карлину.

– Хватит. – Он сделал резкий жест рукой. Налил воды из кувшина и обернулся к жене. – Твои истерики – это последнее, что хочет услышать мужчина, который тяжело работал, не спал и пришел домой, чтобы немного побыть в покое.

Урсулла рассмеялась.

– Я и забыла, что в этом доме только одно желание имеет вес – твое. А я так. Красивое бесплатное приложение к великому доктору Карлину. Знаешь, что я думаю, Марк? Хватит. Мне это надоело. Я даже любовника не могу завести, чтобы он не начал петь хвалебные оды тебе.

– Любо... что?

– Нам надо развестись. Я устала. Тебе нет дела до жены, а мне нет дела до твоих маньяков. Я пришлю адвоката. В понедельник. А пока сниму квартиру и уеду.

Марк поставил стакан на стол и сжал виски руками.

– Йорн все равно тебя не видит, так что переживет. А нам будет хорошо вместе. Няня уже согласилась с новыми условиями, мы скорректировали контракт. Так что оставайся в своих хоромах, наслаждайся славой и величием своей дина-

стии, работай, учи. Но не показывайся у нас. Ты достаточно издевался над нами. Мы хотим пожить для себя.

– Это просто бред.

Урсулла подняла на него пронзительные глаза.

– Бред был в том, чтобы согласиться выйти замуж за успешного профайлера и думать, что он будет сидеть дома с семьей. Бред был в том, чтобы поверить в твои обещания любви. Бред был рожать от тебя ребенка, который теперь обречен воспитываться в неполной семье. Вот это все бред, Марк, а мое решение – всего лишь следствие, всего лишь реакция. Ты же специалист! Вот и разбери, какой у меня мотив.

– Ты решила окончательно?

Карлин сел. В голове прояснилось, исчезла даже усталость. Он смотрел на жену, понимая, что все. Пройдена точка невозврата. Его не трогали даже разговоры о сыне. Он найдет способ видаться с ним достаточно часто, чтобы Йорн помнил, кто его отец.

– Жди адвоката. И не выключай телефон. Мы съедем до понедельника.

– Я так понимаю, любовника ты уже нашла.

– Кто говорит, что мне нужно было его искать?

7. Самуэль Мун

6 апреля, 14:57

*Центральный дом художников, выставочный зал
Треверберг*

Кристианна крутилась рядом. Ей стоило огромных усилий вытащить художника на осмотр площадки для будущей выставки. Он упирался и говорил, что был здесь десять тысяч раз, ассистент убеждала с помощью довода, что власти сделали ремонт и Центральный дом художников теперь не узнает даже тот, кто его когда-то строил. В итоге они уже два часа бок о бок ходили по галерее и прикидывали, как можно разместить выставку и позволят ли им изменить освещение и цвет стен. Белый для картин Муна – это самый безвкусный фон из всех, что можно придумать.

– Мы можем натянуть ткань наискосок, поставить лампы, – говорила Кристианна. – Я добьюсь такого освещения, что твои картины оживут!

– Оживут и будут сниться людям в кошмарах, – недовольно бросил Сэм.

– Именно. Как ты мне снишься, так и они будут сниться. Это неплохо. Это искусство. В твоих картинах целый мир, Сэм. И ты прекрасно знаешь, что ты чертов гений. Гений, признанный общественностью.

Художник отмахнулся.

– Долго мы будем еще тут ходить?

– Нет. Только подпишем бумаги и начнем застройку. Но с тебя картины. Садись и рисуй.

– Я работаю стоя.

Кристианна улыбнулась. Но через мгновение ее улыбка стала еще шире, хотя взгляд изменился. И это изменение художнику не понравилось: так смотреть она могла только на него самого. Сэм обернулся. К ним шел директор Центрального дома художников, известный в мире культуры чиновник Алексон Магдер. Мистер Магдер возглавил галерею по приказу министра культуры пару лет назад. Нельзя сказать, что его управление что-либо серьезно изменило, но организовывать частные выставки стало проще. И дороже.

– Такой блистательный ученый в наших стенах. Мистер Мун. Крис.

Сэм посмотрел на обоих внимательнее.

– Самуэль, это мой муж. Алекс, мы практически закончили, готовы подписать договор.

– Да, Мария вас ждет, – кивнул чиновник. – Над чем работаете, мистер Мун?

Черные цепкие глаза Магдера остановились на лице Муна, который был выше его на полголовы. Художник расправил плечи и улыбнулся. Он часто благодарил всех известных богов за то, что ему была дарована внешность кинозвезды.

– Готовлюсь к свадьбе, а ваша жена меня отвлекает вся-

кими выставками.

Магдер хохотнул.

– Женщины крутят нами как хотят. И на работе, и дома. Но она знает, что делает. Ваши доходы впечатляют. И это только живопись, я не говорю о том, что мне неинтересно.

Сэм вежливо кивнул.

– Приглашаю вас на ужин. Что насчет завтра? Мы с Тео любим субботние вечера. Подготовим что-нибудь особенное. И познакомимся поближе. Кристианна работает со мной несколько лет, но так и не рассказала, кто стал тем счастливымчиком, с которым она пошла под венец. Я искренне рад за вас. Она редкий алмаз.

Крис зарделась. Алексон вежливо кивнул:

– Мы с удовольствием приедем. К тому же о Теодоре Рихтер в нашем городе ходят легенды, а я до сих пор с ней не знаком.

Мужчины обменялись рукопожатиями, Кристианна следила за этим из-под полуопущенных ресниц. Убедившись, что все хорошо, она снова взяла Муна под руку и решительным шагом направилась в крыло администрации. Оба молчали. Сэм думал о том, что отхапать себе такого мужа – это редкая удача, о том, что, возможно, это сделано специально и все ее слова о любви и страсти в постели – игра. Но Мун был в форме и рядом с Алексоном смотрелся ровесником, если не моложе. От Магдера шла непонятная энергия. Та энергия, которую хотелось запечатлеть. Он почему-то представлялся

художнику в виде языческого бога, который хранит закон. Беспристрастный, отчужденный бог, он не понимает, что такое эмоция, но безошибочно определяет чью-то вину, стоит на грубой каменной лестнице, высеченной в скале, держит в руках весы. На нем темно-синяя тога, а черные глаза отливают синевой. Темные волосы длиннее, чем в реальности, лежат на плечах. Но даже тога не скрывает дыру там, где должно располагаться сердце. Сэм довольно улыбнулся. Нужно успеть это нарисовать.

Договор они подписали за несколько минут. Самуэль привык не читать документы, которые ему подавала Кристианна, зная, что она десять тысяч раз все проверила. И даже если сейчас она действовала в интересах мужа, это всего лишь деньги. Деньги – ерунда.

– Интересно, здесь есть камеры? – чуть слышно спросил Сэм.

– Что?

– Ты заслуживаешь отменного наказания, мерзавка. И получишь его прямо сейчас.

Серо-зеленые глаза художника остановились на белой двери с табличкой «Техническая». Он подошел к двери, дернул ручку. Она поддалась. Внутри оказалось небольшое помещение с проводами, столом и рядом шкафов. Никаких камер он не заметил, а оснований думать, что в ЦДХ сделают скрытое видеонаблюдение в чулане, не было.

– Сэм, что ты затеял? – так же шепотом спросила Кристи-

анна, уже дрожа от предвкушения.

Он втащил ее в комнату, запер дверь, огляделся, выбрал мягкий длинный провод и поманил ее к себе.

– Наказать тебя, разумеется. Могла и раньше сказать, кто твой муж. А теперь иди сюда. И ни слова!

* * *

17:43

Старый Треверберг

Няня покормила Софию, уложила ее спать и ушла, оставив Сэма и Теодору с младенцем на руках. Самуэль, для которого София была четвертым официальным ребенком и он даже сам не знал каким по счету вне брака, с детьми сидеть не любил. Он не понимал, что с ними делать, как общаться. Вот процесс их создания – другое дело. Здесь Самуэль был мастером. Самым настоящим, с регалиями и достижениями (детей же можно считать достижениями, как-никак?). Художник часто говорил, что именно любовь к женскому телу помогала ему так долго сохранять молодость и силу тела собственного. Но детей он все равно не любил.

Сэм сидел в мастерской, когда дом оглушил звонок в дверь. Тео была в спальне с Софией, и беспокоить ее художник не хотел, поэтому спустился на первый этаж, увидел в видеофоне двоих незнакомых мужчин и значок полицейско-

го и, тяжело вздохнув, нажал на кнопку открытия дверей.

– Я офицер Тресс, это Говард Логан, мы из полиции, – заявил темноволосый и темноглазый мужчина лет тридцати пяти-сорока. – Не застали вас на работе и позволили себе наглость заявиться сюда.

– Проходите. Виски, коньяк, кофе, чай, вода?

– Кофе, пожалуйста. Черный, без сахара. Нам обоим. Спасибо.

Офицеры прошли в дом. Оба в кожаных куртках, спокойные и немного отрешенные. У художника в этот момент они ассоциировались со всадниками Апокалипсиса. За тем лишь исключением, что если от них и шел холод, то не могильный. Сэм не мог похвастаться хорошими отношениями с полицией. В молодости он много бедокурил, а сейчас стабильно нарывался на хранителей дорожного движения. Штрафов присылали столько, что он перестал считать. К счастью, последние несколько лет всей его бухгалтерией (и даже штрафами) занималась Кристианна. Мун отправился на кухню, гадая, уснула ли Теодора. Он не хотел, чтобы она видела в доме полицейских. Тресс и Логан последовали за ним.

Полицейские расположились за кухонным островом, находившимся в центре просторного помещения. Сэм ненавидел ограниченные пространства и поэтому везде, где можно было избавиться от стен, он от них избавлялся. Художник включил кофеварку и обернулся к гостям, положив руки на столешницу.

– Кофе будет через минуту. Чем обязан?

– Нам нужна ваша консультация как художника, – начал Логан, доставая из портфеля бумагу, – но сначала мы хотели бы подписать соглашение о конфиденциальности, так как дело предстоит щепетильное.

Мун усмехнулся.

– Дело Рафаэля, конечно же. Гоните ваш документ, подпишу. Я же не журналист, чтобы гнаться за сенсациями. А картины долго пишутся. К моменту, когда я что-то смогу презентовать, вы уже поймаете этого ублюдка.

Кофемашина оповестила художника о том, что кофе готов, он разлил ароматный напиток по чашечкам и передал их полицейским. Налил себе в чашку побольше и добавил туда молока. Говард Логан положил документ перед Сэмом, тот подписал, не вчитываясь, вызвав саркастическую улыбку у криминалиста.

– А если бы здесь было признание в этом преступлении?

Художник побледнел. Предположение офицера было и странным, и неожиданным. По спине пробежал холодок.

– То вы посадили бы невиновного.

Никто не засмеялся. Логан внимательно проверил подписи на документе, спрятал его в портфель и умолк, позволяя офицеру Трессу вести беседу. Артур Муну казался демоном, который говорит меньше, чем знает. У него была непривычная для офицера полиции слишком тонкая внешность, которая подходила бы скорее деятелю культуры или доктору,

но глаза выдавали полицейского с головой: взгляд был прямым и холодным. Логан еще слишком молод, чтобы делать какие-то выводы, но в глазах уже столько всего, что хватит на десять картин. Художнику всегда нравилось наблюдать за лицами людей. Он не относил себя к портретистам, но на многих картинах изображал то, что видел на протяжении жизни, помещая людей в тот или иной сюжет.

– Вы знакомы с миссис Броу, мистер Мун?

– Аделаида Броу сотрудничает с Центральным домом художников, она консультирует молодых по авторскому праву. На старте карьеры у всех много вопросов по бюрократической волоките. Лично я с ней как с юристом дел не имел. Но ее муж купил у меня дом в поселке Художников. В 1995 или 1996 году, уже не помню.

– А с ней вы не встречались?

– Встречался, конечно. Магдер любит собирать всю элиту у себя, и на некоторых приемах мы пересекались с Аделаидой. Но не могу сказать, что она запомнилась мне чем-то исключительным.

– А если просто необычным? – Тресс спрашивал прямо, спокойно, без угрозы.

Художнику не нравился этот допрос, хотя у полиции на него ничего быть не могло. Он внимательно слушал, даже кивал и думал только о том, чтобы Теодора не спустилась из спальни. Объяснять ей, что в их доме делает полиция, почему он подписал бумаги и почему его спрашивают о другой

женщине, он не хотел. Примечательно, что Мун никогда и никому не был верен. Он четко разделял секс и отношения и считал, что первое почти всегда может обходиться без второго, а второе по умолчанию включает в себя первое. Теодора, скорее всего, знала, с кем она живет. Но лишнее подчеркивать это Сэм не желал.

– Она слишком печальна для женщины, которая работает с людьми искусства.

– Что вы имеете в виду? – вставил Говард.

Мун смерил его неприветливым взглядом.

– Рядом с художниками, артистами, писателями и поэтами люди меняются. Творческая материя возносит всех над бытовыми заботами, заставляет смотреть шире, чувствовать иначе. Аделаида Броу всегда выглядела математиком среди лириков. Она не воспринимает метафоры, не понимает образы, совершенно не чувствует картины. Конечно, я в первую очередь художник, а потом уже бизнесмен. И, признаюсь честно, исходя из этих соображений, я не особо стремился к тому, чтобы с ней общаться. Или стать ближе.

Говард делал быстрые короткие пометки в своем блокноте. Мун чувствовал себя так, словно пришел на лекцию в университет и теперь вдабливает глупым студентам прописные истины, до которых они должны дойти сами. И обязательно дойдут, но попозже. Годам к сорока, если повезет.

– Хорошо. Если вы позволите, продолжим. Расскажите нам про поселок Художников. Как вы знаете, преступление

произошло именно там, а причиной для такого может быть что угодно.

Сэм сделал несколько глотков кофе, прикрыл глаза, наслаждаясь вкусом, и снова посмотрел на полицейских.

– Это мой любимый проект. Дорогостояло договориться о таком клочке земли. Знаете, офицеры, это сказочное место. Река, небольшой лес, сосны. И все это буквально в шаге от одной из серьезных транспортных артерий города. Я бы сам там жил, если бы мне нужен был дом. Хотя если выйти сейчас на крышу, мы увидим огни поселка. Это мое первое детище в недвижимости. Я волновался. И долго вынашивал проект.

– Итак, в 1993 году вы строите поселок Художников на правом берегу реки, – медленно начал Говард, дождавшись молчаливого одобрения напарника. – Через год уже начинаете продавать участки и дома. Вы лично принимаете участие в утверждении проекта каждого дома и выдвигаете ряд условий по архитектурным и ландшафтным решениям.

Сэм кивнул.

– Я не хотел получить лоскутное одеяло. Я хотел получить – и получил – цельный комплекс, который прекрасен как сам по себе, так и в отдельных частях.

– Да, вам это удалось, – кивнул молодой полицейский. – Известны случаи, когда к вашему детищу привозят туристов, чтобы им показать, каким может быть обычный коттеджный поселок. Джон Броу покупает у вас дом одним из последних.

Почему так? Поздно узнал или долго думал?

– Скорее, последнее. Переговоры с ним мы начали почти в то же время, что и со всеми. Возможно, решал финансовый вопрос. Я никогда не стремился демпинговать, а их семью нельзя назвать особо обеспеченной.

Самуэль допил кофе, поставил чашку в раковину и поправил рукава мягкого домашнего свитера из тонкой шерсти.

– А кто в основном покупал дома в поселке? – спросил криминалист. Он тоже сделал несколько глотков, благодарно улыбнулся и выглядел почти расслабленным, если бы не особенный блеск глаз, который выдавал тот факт, что полицейский ловит каждую мелочь.

Мун понимал, что они уже оценили и его внешний вид, и усталое лицо, и то, как и что он говорит, и то, что убийство произошло в его поселке, а Аделаида откровенно была белой вороной среди сообщества, к которому вынужденно относилась. К счастью, он не нес никакой ответственности за безопасность владельцев домов, они сами договаривались с охраной и сами выбирали, с кем работать; Мун не стал вводить никаких платежей в управляющую компанию, следя только за ландшафтом и экстерьером домов.

– В основном художники, конечно же, – проговорил он, чтобы пауза не затягивалась. – У меня в офисе есть вся документация по проданным домам, я смогу ее предоставить завтра. Господа, вы пришли, заявив, что вам нужна консультация, но что я вижу? Все это похоже скорее на допрос. А

в чем консультация художника? В том, что мой поселок – произведение искусства?

Офицер Тресс обезоруживающе улыбнулся и поднял руки ладонями к собеседнику, будто показывая, что приносит свои извинения. На самом деле он ни о чем не сожалел, и это понимали все участники беседы. Полицейские будут хвататься за любой даже самый призрачный намек на то, что получится распутать клубок. Сэм представлялся им лучшим источником информации. Он художник. Выдержки из любой светской хроники подтвердят, что он несдержан. Пьет, дерется, ругается, иногда даже скандалит. Он владелец поселка Художников, где произошло убийство. Это очевидные вещи, которые лежали на поверхности. Сэм понимал, что все это рано или поздно приведет к нему. Но разве это повод давать полицейским возможность нагнеть в его же доме?

– У нас есть все основания полагать, что Рафаэль или является художником, или работает в сфере искусства. Посмотрите.

Говард выложил фотографии из портфеля. Мун приблизился. Увидев место преступления, мертвого мальчика и картину кровью, он страшно побледнел. Пришлось опуститься на стул и взять фотографии в руки. Они дрожали. Впечатлительный художник, чьи картины волнуют людей до мурашек, иллюстрируя их самые запрятанные кошмары и страхи, не ожидал оказаться лицом к лицу со смертью. Он уже знал, что следующей картиной станет темный мертвый

ангел. Но на ней не будет крови. И мертвый ангел будет не таким мертвым. Опытный глаз художника определил грубую технику, которой наносили мазки по ватману, пятна «краски», которые могли появиться только из-за неосторожности.

– Рисовал не тот, кто держит кисть в руках каждый день. Если он и художник, то работает мало и редко. Или работал в последний раз давно. Или его волнует мертвое тело рядом. У него нетвердая рука. Мазки неровные, посмотрите. – Сэм повернул к ним одну из фотографий. – Линия неровная, хотя рисунок обязывает провести здесь единый мазок, но он то давит на кисть сильнее, то отпускает. Халтурная работа.

Говард записал показания.

– Сможете что-то добавить? – спросил Тресс.

Сэм ответить не успел.

– Добрый вечер.

Все дружно повернулись. Теодора стояла у подножия лестницы на второй этаж. На ней был простой домашний костюм, тяжелые черные волосы она собрала в высокий хвост. Тресс и Логан в унисон поздоровались. Говард быстро перевернул все фотографии и сложил их в аккуратную стопку. Теодора Рихтер сделала вид, что не заметила этого жеста.

– Офицеры обратились ко мне за помощью.

Синие глаза Теодоры блеснули. Сэм чувствовал, что она не верит.

– Помощью? Мне уйти?

– Вы можете остаться, мисс Рихтер, – проговорил Тресс. –

Мы закончили.

Офицер достал из внутреннего кармана куртки визитку и протянул художнику.

– Пожалуйста, если вам придут в голову еще какие-то мысли по этому вопросу, позвоните мне. Звоните в любое время, я поздно ложусь.

Самуэль взял визитку, внимательно ее изучил и положил на стол.

– Конечно, офицер Тресс. В рабочее время вы всегда сможете найти меня в мастерской. Вечерами я дома. А завтра мы устраиваем ужин. Если захотите, можете присоединиться. Ты же не против, дорогая?

– Какая женщина в здравом уме будет против присутствия привлекательных мужчин на семейном торжестве? – рассмеялась Теодора. – Завтра в семь, джентльмены. Не обязываем вас, но будем рады.

Говард и Артур переглянулись. Сэм следил за ними, чуть прищурившись. Когда фото спрятали, он смог полностью взять себя в руки. И снова стал собой. Тем скандально известным художником, на чьи выставки ходили все, от детей до стариков. Его ненавидели, им восхищались. Его картины никого не оставляли равнодушным. Наверное, в этом и был секрет успеха. Исключительная способность через картины доносить эмоцию, ощущение. Даже чувство.

Когда офицеры, попрощавшись, ушли, Сэм хмуро посмотрел на Теодору.

– Зачем ты спустилась?

Она пожала плечами.

– Услышала голоса. София спит.

– Это хорошо. Прости, что тебе пришлось ею заняться.

Я договорюсь с агентством, чтобы няня оставалась у нас до полуночи.

Теодора молча кивнула и обхватила себя руками. Самуэль рассматривал ее, такую простую, такую домашнюю и почему-то такую далекую в эти мгновения. Он впитывал эту женщину всеми клеточками своего тела. Не выдержав, художник встал, пересек помещение и обнял Теодору, наклонившись вперед, чтобы спрятать лицо у нее в волосах. Ростом всего сто пятьдесят пять сантиметров против его ста восьмидесяти пяти, она казалась ему фарфоровой статуэткой, которую всенепременно нужно оберегать и любить. И он был рад обманываться. Рад верить в то, что рядом с ним прекрасная и беззащитная женщина. Хотя несколько раз был свидетелем того, как Теодора ведет дела. И каждый раз признавался себе в том, что не хотел бы оказаться ее конкурентом.

– Поздний час, Сэм. Нужно спать. Завтра сложный день.

Нам нужно подготовиться к ужину.

– Это будет лучший ужин в этом доме, любовь моя.

8. Говард Логан

7 апреля 2001 года

16:43

Решение стать полицейским каждый принимает по-своему. Кто-то продолжает династию. Кто-то влюбляется в жанр детективов и искренне верит, что так и будет каждый день. Кто-то становится свидетелем нераскрытого преступления. Или раскрытого, но такого яркого, что оно впивается в подсознание, не давая спокойно жить, «пока ягнята не замолчат»³. А кто-то переживает личную трагедию. Родители Говарда погибли три года назад в автокатастрофе, которой не должно было случиться. В которой невозможно было погибнуть. Ни следов, ни свидетелей. Никто не мог ответить на вопрос, что они делали в этой проклятой машине. Их тела оказались настолько изувечены, что опознание проводили по зубам, а Говарду не дали на них взглянуть. Расследование смяли еще до восстановления всей картины. Очередной «глухарь», который портит статистику полиции и оставляет родственников жертв без надежды на возмездие. Говард остался один. Гамбург, где они жили, вроде бы принял его как блудного сына, но что-то шло не так. Юноша поступил в универ-

³ Отсылка к книге Томаса Харриса и одноименному кинотриллеру «Молчание ягнят».

ситет, железно решив стать криминалистом, чья работа исключит возможность повторения столь глупого «глухаря». И искренне думал, что останется в Германии.

Он изменил решение, когда познакомился с Марком Карлином, который приехал в его университет с лекциями по профилированию серийных убийц в 2000 году. Марк появился весной, но уже менее чем через полгода Логан перебрался в Треверберг и перевелся в тревербергскую полицейскую академию, забросив университет. Он поверил в Карлина больше, чем во всю гамбургскую профессуру. Логан вернулся на родину, где родители каким-то чудом смогли сохранить и передать ему небольшую квартирку в старой части города. Родину, которой никогда не знал.

В Треверберге Говард жил один. Он ненавидел необходимость держать включенным сотовый телефон, терпеть не мог рано вставать и чувствовал себя полным идиотом, когда перекладывал бумажки. Он был благодарен Карлину за то, что тот сумел подключить его к делу Рафаэля. Но, оказавшись в гуще событий, терялся. Говард чувствовал, что здесь что-то не так. Что они ищут не просто художника, не просто того, кто хочет, чтобы его узнали. Это не забытый богом и людьми выпускник художественной академии, который пропил свой талант и проспал момент, когда можно было строить карьеру. Это что-то другое. Но Логан не смог объяснить Карлину, в чем тот заблуждается. Интуиция вопила, но аналогов этим воплям на человеческом языке так и не обнаружилось.

Логан считал, что разговор с художником – хорошая идея. И обрадовался приглашению на ужин, хотя совершенно не понимал, как вести себя в высшем свете. Ему не понравился Сэм, который выглядел как голливудский актер, только что сошедший с экрана. Его пугала Теодора, которая, несмотря на домашний вид, казалась слишком идеальной, слишком холодной и чужой. Говард долго восстанавливал в памяти ее лицо, пытаясь зацепиться за ощущения, которые пригвоздили его к месту, когда она вошла на кухню, но не мог определить, что это.

Эта чертова интуиция, которая предупреждала об опасности, объяснений знакам не давала.

Вернувшись домой, Логан принял душ, а потом взял книгу по криминалистике и читал до утра, восстанавливая прописные истины. Нужно было прочистить голову, и учеба помогала лучше всего бы то ни было. Наутро он проснулся с мыслями об ужине у Муна. Съездил в магазин, купил подходящий пиджак, рубашку и новые джинсы. Обувь он всегда держал в отличном состоянии, поэтому обновлять ее не потребовалось. Выгладил одежду. Перекусил. Взял свою первую за день сигарету и долго курил, глядя в окно. Единственное, что в этой ситуации радовало: пока его мысли заняты маньяком, проблемами, связанными с этим делом, он не думал о родителях, не искал причин их гибели и не винил себя. Но сколько нужно дел, чтобы унять крики совести?

Сигарета закончилась, и он достал из пачки еще одну. Ле-

жало на поверхности то, что маньяк – из сообщества художников. Он может быть действующим художником. Работником галереи, искусствоведом, аукционистом, юристом по авторским правам, преподавателем в университете или художественной академии. Или он просто любитель живописи, который решил создать шедевр. Это гипотеза Карлина, и в ней молодой полицейский чувствовал фальшь, которая ощущалась пеплом на губах.

Дело не в шедеврах.

Дело в демонстрации. Но что и кому он пытается продемонстрировать?

Сварить кофе, взять третью сигарету. Кто вообще сказал, что это «он»? В Треверберге уже встречались женщины-маньяки. Но Говард понимал, что убийца мужчина. Или женщина с мужским характером.

Эту мысль надо было обдумать. Женщина с мужским характером. Мужчина. Что-то не клеилось, и Говард понимал, что мозаику из одного пазла не сложить. Ему нужна целая картина. В свои двадцать один с небольшим он не обладал нужным опытом, но имел чутье, которое впервые обозначило себя в раннем детстве, когда, спрятав документы родителей, он не позволил им сесть на самолет, который разбился сразу после взлета. И сейчас это чутье велело успокоиться и ждать. Логан сотни раз перечитал свои записи с допросов. Десятки раз просмотрел описания всех разговоров со свидетелями. Фото с места преступления он мог бы нарисовать

по памяти в мельчайших деталях. И он понимал, что поиски снова пропавшей русской няни – это бессмысленная трата времени. Няня тут ни при чем, потому что убийца не стремился бежать. Он нарисовал картину и хочет наблюдать за тем, как эту картину будут оценивать. Он ждет.

Усилием воли полицейский заставил себя вернуться к мыслям о предстоящем ужине. Самуэль Мун выглядел необычно, слишком ярко. Такие люди часто безрассудны, но редко настолько, чтобы начать убивать. Если бы он убил, он не стал бы делать картину и не стал бы трогать ребенка. Он может случайно убить в алкогольном угаре, может убить за любимую женщину. Но чтобы настолько слететь с катушек? Такое поведение могло бы объясниться только диссоциативным расстройством личности, а эта штука встречается редко. Хотя гениальность Муна может быть объяснена как раз им – слишком уж его картины поражают воображение.

Что касается Теодоры Рихтер, она молодому человеку показалась ледяной глыбой. Если бы он верил в сказки, он бы заявил, что она не человек. Не бывает таких людей, как она. Но весь город знает ее семью, за ней наблюдали с тех пор, как она поступила в Оксфорд, а по возвращении в Треверберг не давали прохода, превратив ее жизнь в бразильский сериал. Обратная сторона богатой семьи. Нужно повнимательнее за ней последить на ужине.

Говард вызвал такси и спустился вниз. Снова закурил, продолжая мысленно переключать факты этой истории. От

никотина его мучила тошнота, но Говард упорно продолжал курить. Делать выводы рано. Они не нашли улики, ДНК, отпечатков, никаких забытых вещей. Лишь предположения. И мертвый мальчик в луже крови. Автомобиль приехал через несколько минут. Говард сел на заднее сиденье, закрыл за собой дверь и уставился в окно. Если они не попадут в стихийную пробку на центральном шоссе, то будут на месте за несколько минут до назначенного времени.

* * *

Артур Тресс ждал напарника в паре шагов от ворот резиденции Самуэля Муна, к которой уже стягивались автомобили гостей. По случаю торжества он отгладил джинсы и даже нацепил рубашку, сияющую белизной. Белое на нем смотрелось странно, но криминалист не обращал внимания на взгляды прохожих. Он стоял и курил, погруженный в свои мысли, но оживился при виде Логана и помахал ему рукой. Говард расплатился с таксистом, пожелал ему хорошей дороги и подошел к коллеге.

– Сэм – маг и волшебник, – с ходу заявил Артур. – Он заставил сразу двоих полицейских приодеться.

– Не вечно же хорошей одежде пылиться на вешалках. Иногда даже рубашки нуждаются в том, чтобы их выгуливали.

Тресс рассмеялся.

– Ты подготовился?

– Не думаю, что к ужину у Муна можно подготовиться, – покачал головой Логан. – Он славится своей несдержанностью. Но, чувствую, мы здесь не зря. Может, зацепка или какая-то мысль...

– Ты серьезно думаешь, что Самуэль связан с этим делом?

Артур выбросил сигарету и посмотрел на коллегу немигающим взглядом темных глаз. Говард выдержал этот взгляд и улыбнулся.

– Связан – точно. Вопрос, в какой роли. Пойдем, невежливо заставляя хозяев ждать.

– Постой. – Криминалист упер кулаки в пояс. – Посмотри на количество автомобилей. Тут соберется весь Треверберг, они и не заметят, что мы чуть задержались. А что думаешь про его женщину, Теодору Рихтер?

– Скажу после ужина, я до конца не уверен.

Офицер Тресс склонил голову набок, сверля коллегу пристальным взглядом. В его глазах было что-то, что не понравилось Говарду, но он решил на этом не концентрироваться: нужно сохранять разум кристально чистым, чтобы ни в коем случае не упустить мельчайшие детали, которые помогут следствию. Коллеги направились к резиденции. В просторном саду перед домом, выполненным из камня и украшенным старомодной лепниной, толпились люди. Кто-то в вечерних нарядах, кто-то в джинсах и растянутых свитерах. Говард не знал их в лицо, но Тресс шепотом подсказывал,

когда в поле зрения оказывался кто-то особенно важный. Десятки имен и регалий никак не хотели уместиться в голове, и Говард взял обещание с Тресса, что тот ему снова расскажет, кто есть кто, в случае необходимости.

Вскоре они увидели хозяина дома в сопровождении мисс Рихтер, которая по случаю торжества выбрала скромное темно-синее платье, мягко облегающее фигуру. В доме играла скрипка. Сэм общался с гостями, знакомя их друг с другом и перемещаясь от группы к группе. В какой-то момент он подошел к полицейским в сопровождении красивой молодой женщины и мужчины средних лет. Мужчина был невысок, темноволос и темноглаз. Его лицо еще сохранило черты былой красоты, но в нем уже присутствовала отечность, которая рано или поздно настигает всякого, кто не прочь пропустить стаканчик вина или чего покрепче каждый вечер. Впрочем, на алкоголика он не тянул. Идеально отглаженный костюм, ухоженные брови, аккуратные ногти. Говард предположил, что отечность – это какая-то болезнь. Уж слишком его вид не вязался с образом того, кто ищет истину на дне бутылки.

– О, доблестные офицеры. Позвольте представить, это Кристианна, мой продюсер, агент, ассистент, душа моего скромного арт-бизнеса. Ее супруг, Алексон Магдер, директор Центрального дома художников. Там скоро откроется моя выставка. И кто знает, может, вы, Говард, или вы, Артур, узнаете себя на одной из картин. – Художник подмигнул им,

довольный пассажиром. – А это офицеры Артур Тресс и Говард Логан, полиция Треверберга. Господа расследуют это ужасное дело про Рафаэля и обратились ко мне как к эксперту.

– Эксперту в какой области? – с любезной вежливостью спросил Алексон.

Говард скользнул по нему взглядом. Этот мужчина не оставлял следов. Не оставлял впечатления. Типичный чиновник с больным сердцем. Или легкими. Или еще чем-то. А вот его жена приковывала к себе внимание мгновенно. Логан буквально почувствовал искру между нею и мистером Муном. Ну почему бы, собственно, и нет. Самуэль тот еще ловелас, Кристианна – красивая женщина. Их связь закономерна, и не нужно работать в полиции, чтобы это понять. Интересно, этот Алексон в курсе, что жена изменяет ему с боссом? Наверняка. Брак по расчету. Или нет?

– Как к художнику, конечно. Я не могу открыть больше деталей, чем вы прочтете в утренней газете, но этот псих точно псих. И настоящий художник, я таких чувствую. В кои-то веки полиции приходится работать не в стол.

– Это любопытное дело, – проговорил Тресс, пожимая руку сначала художнику, потом чиновнику. – Картины, попытка восстановить шедевры прошлого и приукрасить их. Демонстрация. Мы в самом начале расследования.

– Интересная версия, – кивнул Магдер. – А кто жертва? Я слышал, мальчик?

Мун побледнел.

– Да, совсем ребенок.

– Какой ужас, – вздохнула Кристианна, томно взмахнув ресницами.

– Мы делаем все что можем, – вежливо продолжил Тресс, внимательно отслеживая реакцию собеседников. – Но пока слишком мало информации. У нас есть только обрывки видеозаписи с поста охраны, но там ничего не разобрать.

Говарду хватило духа не показывать удивление. Тресс примешивал факты, проверяя, как его собеседники воспримут новую информацию. Были ли у него основания подозревать Сэма? Да. У художника нет убедительного алиби на момент убийства. Рисовал в мастерской, но никем и ничем это не подтверждалось. Но все изобразили лишь вежливое недоумение.

– Видеозапись, даже плохая, это лучше, чем ничего, офицер Тресс, – проворковала Кристианна. – Мы будем верить в то, что вы справитесь с этой загадкой. И не позволяйте ему снова убить.

– Вы думаете, что убийства повторятся? – с невинным видом спросил Артур.

– Конечно, – подтвердила Кристианна. – В нашем городе, если такое начинается, продолжается всегда и быстро. Желаю вам удачи. Алексон, дорогой, можно я отойду на пару минут? Нам с Сэмом нужно обсудить рабочие моменты.

Магдер кивнул и повернулся к офицерам.

– Ваша работа чрезвычайно трудна, – поделился он. – Я

никогда не понимал, как можно расследовать подобные дела? Газеты не показывают нормальных фотографий, но и то, что они вырезают и помещают в полосу, – это кошмар.

– Или искусство, – вставил Логан.

Алексон сделал пару глотков шампанского и окинул стажера внимательным взглядом.

– Я работаю в галерее уже несколько лет. Честно? Такое вряд ли может считаться искусством. Это скорее антиискусство.

Говард улыбнулся, кивнул и оставил Артура с Алексоном наедине. Ему хотелось пройтись по поляне и посмотреть на гостей, оставаясь в тени. Он взял стакан сока с подноса пробегающей мимо официантки и углубился в сад, поглядывая по сторонам. Нечеловеческое чувство подсказывало, что Рафаэль может находиться среди этих людей. Он может стоять сейчас в нескольких шагах и прислушиваться к тому, что о нем говорят. Он должен выглядеть довольным, испуганным или невозмутимым. Он должен выдавать себя напряжением или излишне расслабленным видом. Он должен проявить себя хоть как-то. Но пока ничего не происходило.

Юноша сделал пару глотков, потянулся было за сигаретой, но передумал. Его до сих пор тошнило от передоза никотина, но мозг работал поразительно четко. Он отошел дальше от толпы и замер, скользя по ней взглядом. Ушел в себя, сопоставляя факты дела, и не заметил, как к нему подошла хозяйка торжества. Теодора Рихтер в изящном платье выгля-

дела совсем не так, как в домашнем костюме. И совсем не так, как ее изображали газетчики.

Молодая бизнес-леди не могла похвастаться высоким ростом, но темные шпильки придавали ей стати. Густые черные волосы она распустила по плечам, позволяя им падать на спину. Макияжа совсем чуть, но темно-синие глаза сияли так, будто их подсветили изнутри. На губах перламутровый блеск.

– Офицер, – улыбнулась она.

– Пока еще не заслужил такого обращения, мадам.

– Скорее, мадемуазель или мисс, – поправила она. – В Треверберге все смешалось. Я рада, что вы приняли приглашение. И все же удивлена. Как вам наше общество?

– Что-то мне подсказывает, что это общество мистера Муна и вам здесь так же неуютно, как и мне.

Говард все-таки достал сигарету. Он сам не мог похвастаться высоким ростом, и Теодора на каблуках уступала ему от силы пару дюймов. Он чувствовал себя неуютно. Разница в возрасте прочертилась слишком отчетливо. Говард всегда считал, что возраст – не главное, но в Теодоре было что-то такое, что он захотел поверить в любую сказку об эликсире вечной молодости. В синих глазах светился странный огонь.

– Я привыкла. Есть какие-то новости по вашим делам?

– Я не могу разглашать тайну следствия.

– Бросьте, Говард, – улыбнулась она. – Разве я похожа на журналистку, которая ищет материал? Я всего лишь женщи-

на, которая хочет почувствовать себя в безопасности. У Сэма есть дочь, ей всего два.

– Просто не оставляйте ее одну.

– Значит, все плохо, – кивнула мисс Рихтер. – Так я и думала.

– Мы делаем все что можем.

Она передернула плечами. Ожерелье на тонкой шее блеснуло в свете фонарей.

– Как и все мы, стажер Логан.

9. Аксель Грин

8 апреля, воскресенье

Треверберг

Аксель сидел за одним из маленьких столиков в «Кофейном доме», пил свой кофе и наблюдал за тем, как Энн работает. Он чувствовал себя спокойно и гармонично, следя за тем, как бариста ловко орудует с кофемашиной, обслуживает редких в выходной день гостей. Энн бросала на него недвусмысленные взгляды, то и дело улыбаясь. Детектив был погружен в себя. Тресс отзвонился после ужина и сообщил, что ничего срочного они сообщить не могут. Дело затормозилось до понедельника. Всю субботу Аксель, измотанный длинной неделей, проспал. Сегодня утром доехал до дома, привез Саре лекарства, убедился, что все хорошо, поговорил с нанятой сиделкой и снова уехал. Он снял небольшую уютную квартиру рядом с работой и, вернувшись в район, решил, что умрет без кофе.

Слежка за молодой женщиной ничего не дала. Спортзал, какой-то дом в десяти минутах быстрой ходьбы от кофейни, который она посетила несколько раз, сама кофейня и один из главных бизнес-центров Треверберга, куда можно было пойти за тысячей разных мелочей. Турфирмы, салоны красоты, службы услуг и быта – здесь были офисы всего, что мо-

жет пригодиться практически любому жителю Треверберга в любой момент времени. Аксель отменил наблюдение.

Сейчас он следил за Энн другим образом и с другой целью. Мозг сосредоточился на этой аккуратной женщине, которая магическим образом превращала ароматные зерна в волшебный напиток. Собранные на скорую руку документы ничего не дали. Скорее всего, она сменила фамилию, потому что Лирна появилась в Треверберге пять лет назад. Судя по пограничным заметкам, она въехала со стороны Чехии. Но чем она занималась там, никто не знает. Кафе открыла год назад, безошибочно определив местоположение. Доход был средним. Родственников и домашних животных нет. Мужа нет, детей нет.

Аксель с трудом отдавал себе отчет в том, что торчит здесь уже два часа и смотрит на нее как школьник, который впервые в жизни увидел девушку. Энн ничем не походила на хрупкую, грациозную и стервозную Элизабет, что благополучно исчезла из его жизни год назад, прихватив все свои и его подарки и кое-что из совместно нажитого имущества. Энн чем-то неуловимо напоминала Джейн Абигейл, женщину, которая оставила след в его сердце и растворилась, переехав в США.

– Эй, детектив.

Аксель вздрогнул. Он не сразу заметил, что бариста стоит рядом и теребит кончик роскошной густой темно-рыжей косы.

– Может, перейдешь с кофе на чай? Беспokoюсь о твоём сердце.

– Говоришь так, будто оно есть, – заметил Грин и улыбнулся. – Я могу уйти, если мешаю.

Она покачала головой.

– Я подумала, что, раз ты здесь сидишь, ты меня ждешь?

– А если так?

– Если так, то пойдём в парк? У меня законный перерыв, я сегодня закрою кафе на инвентаризацию. Но прежде чем погрузиться в пересчет позиций, хочется самой выпить чашечку кофе и погулять.

Аксель медленно кивнул. Довольная Энн перевернула табличку на двери, закрывая кафе, и скрылась в подсобке, чтобы переодеться. Она казалась детективу слишком, ослепительно реальной. Странное ощущение. Может, он просто истосковался по женскому теплу? Но почему сейчас?

Энн быстро собралась и вышла к нему. В простом бежевом плаще она была похожа на служащую банка. Аксель подал ей руку и помог выйти из кафе. Отошел в сторону, позволяя ей запереть дверь, и с удивлением уставился на собственный мотоцикл. Он забыл, что приехал на нем. Энн подошла, с улыбкой глядя на полицейского.

– Пешком? Или на нем?

– А поехали на нем.

Аксель сел за руль. Подождал, пока молодая женщина пристроится сзади и обнимет его за талию, и мягко выру-

лил на дорогу. Ему пришла мысль, что можно отправиться куда-нибудь дальше городского парка. Если ехать по южной дороге от поселка Художников вниз, то через двадцать минут можно добраться до маленького уютного озера. Детектив бывал там иногда. И, несмотря на еще прохладную погоду, ему отчаянно захотелось именно туда. На берегу не был оборудован пляж, поэтому горожане не стремились освоить этот райский уголок, предпочитая отдыхать в более цивилизованных местах. А Аксель после войны не выносил цивилизованные места. Отдыхал он только наедине с природой и самим собой. И вот сейчас захотелось пригласить на этот маленький отдых Энн Лирну, бариста из маленького кафе рядом с полицейским управлением.

– У нас есть пара часов? – обернувшись, спросил он у Энн.

– Найдем! – подтвердила та, еще крепче прижимая его к себе. Или себя к нему.

Он уверенно вел мотоцикл, следя за дорогой. Шлем сужал обзор, заставляя концентрироваться на главном. Но выкинуть из головы тот факт, что Энн сидела за его спиной, прижималась к нему всем телом и была не прочь поехать с ним за город, не получалось. Акселю казалось, что они знакомы уже целую вечность. Да, он больше года покупает у нее кофе и выпечку. Но почему-то именно сейчас решился переступить черту, которую уже давно ни с кем не переступал. Руки Энн были теплыми, он ощущал ее сквозь кожаную куртку и рубашку. Ее дыхание щекотало шею. Мгновения до места

назначения пролетели незаметно. Но почему-то, когда они приехали и Аксель поставил мотоцикл на подставку, чтобы спокойно с него слезть, а Энн сняла с головы шлем, ее щеки были красными. Зеленые глаза лихорадочно блестели.

Детектив помог ей спуститься на землю и тут же отстранился, пытаясь определить, что он чувствует. Его влечение к этой девушке было иррациональным. Оно просто не могло возникнуть, но вот они вдвоем в лесу, и он совершенно не хочет ее отпускать. Энн огляделась и восторженно замерла. Высокие сосны, небольшое, кристально чистое озеро. Аксель нашел это место почти сразу после того, как купил мотоцикл. Он любил одинокие однодневные путешествия и часто уезжал из города на выходные.

Энн мягко ступала по влажной траве. Она погрузилась в созерцание первозданной красоты этих мест. Городские жители зачастую не видели ничего интереснее их парка, идеального, но полностью искусственного. Здесь же царствовала природа. Аксель остался около мотоцикла. Он прислонился к еще теплomu металлу, сложил руки на груди и следил за молодой женщиной, чувствуя, как медленно оттаивает что-то внутри. Впервые ему не нужно прислушиваться к дыханию Сары, не нужно выслушивать претензии, копаться в чужом дерьме или искать ответы на вопросы, на которые никто не мог найти даже намека на ответ. Он не понимал, что в этой девушке такого, но чувствовал, как все переворачивается при мысли о ней. Когда они ехали сюда, Энн обнима-

ла его, он впитывал ее удивительный тягучий запах, не отдавая себе отчета в том, что это не запах духов или геля для душа. Это дикий, первобытный эмоциональный запах, который въедается под корку, который не забывается и сводит с ума. Энн, скромная, устойчивая и упрямая Энн в глазах Акселя Грина превращалась в божество. Потом – снова в женщину. А потом – в демона, в чьей власти он оказался.

Он не испытывал подобного и не знал ему названия. Он чувствовал, что Энн – не просто женщина, встретившаяся ему на пути. И в эти мгновения ничто не могло заставить его сесть на мотоцикл и вернуться в город. Он был поглощен происходящим. Энн смотрела на него странно. В зеленых глазах по-прежнему светился нездоровый огонек, но щеки покраснели еще больше, а растрепавшиеся после дороги волосы обрамили лицо, подобно рыжему облаку.

– Здесь очень красиво, – произнесла девушка, будто бы тишина могла свести ее с ума.

Аксель привычным жестом провел рукой по волосам. Отделился от мотоцикла и приблизился к молодой женщине, не зная, насколько он сейчас красив. В кожаной куртке, с растрепанными светлыми волосами до плеч, с разгоревшимися от волнения синими глазами и саркастичной усмешкой на лице, он напоминал скорее персонажа эпической саги, чем детектива центрального управления полиции. Четкие черты лица, чувственные губы, внимательный, цепкий, обволакивающий взгляд. Все это не давало ни малейшего шанса

остаться равнодушным. Даже если неравнодушие продлится миг. Именно на этот миг близ девушки из кофейни и рассчитывал Аксель, запрещая самому себе задавать вопросы. Но зато он смог дать имя этому состоянию. Как нельзя лучше подходило «пробуждение».

Если бы на улице было теплее, он бы точно предложил ей искупаться. Но вместо этого подошел совсем близко, положил пальцы на подбородок, заставив посмотреть ему в глаза, и наклонился над ней. Энн замерла. Казалось, она даже не дышала.

Когда он прикоснулся к ее губам, буквально физически ощутил, как ее накрыл страх. Дикий, первобытный страх, который мгновенно сменился приливом возбуждения. Энн положила руки ему на грудь, не решившись обнять. Аксель толкнул ее к ближайшему дереву, убедился, что она прижалась спиной к шершавому стволу, улыбнулся почти зло и снова поцеловал. Энн глухо застонала, протестуя. От ее лица отхлынула кровь. Руки сместились к его шее в таком жесте, будто она хотела его придушить. Аксель смахнул тонкие пальцы и отстранился. Замер на несколько секунд и сделал шаг назад.

– Прости.

– Я знала, что нравлюсь тебе, детектив. Но чтобы увозить женщину в лес так просто – это уже чересчур.

– Одно твое слово – и я верну тебя обратно.

Энн улыбнулась.

– Вернуться придется в любом случае. Я же говорила. Инвентаризация.

Он запустил пятерню в волосы и снова улыбнулся, на этот раз обезоруживающе.

– Ладно. Поехали.

– Еще пара минут.

Энн пересекла расстояние между ними и, поднявшись на цыпочки, страстно и быстро поцеловала его в губы. Долгая дрожь пробежала по телу Акселя, пробуждая животное желание повалить Энн на траву, пренебречь всеми делами и условностями и овладеть ею тут же. Пришлось сделать шаг назад и закрыть глаза, чтобы схлынул красный туман, уже застилавший внутренний взор. Аксель тяжело дышал. В этой женщине было что-то невозможное. Что-то не поддающееся объяснению. Она сводила его с ума. Но непонятно чем. Неужели так сладко пахнет?

Нужно держать себя в руках. Все эти мысли – просто следствие армии. Он детектив, его задача – ловить преступников, а не насиловать женщин в лесу. Хотя нужно быть честным. Это не насилие. Это – страсть. Какая тонкая грань между высшим злом и высшим наслаждением.

Аксель молча сел на мотоцикл и замер, следя за тем, как Энн еще раз оборачивается к озеру, касается носком ботинка поверхности воды, разворачивается и идет к нему. Бледная, но довольная. Он мог побиться об заклад, что довольная. Женщины. Энн легко села за ним, обняла за талию, за-

ложив большие пальцы за его ремень, и прижалась щекой к спине. В какое-то мгновение ему показалось, что он слышит ее мысли. И эти мысли ему понравились.

Он довез Энн до кофейни, попрощался с ней и отправился к себе. Остаток воскресенья обещал быть спокойным и томным. Ехать к Саре ему совершенно не хотелось. В их отношениях появилась трещина после того, как он вернулся из армии. Приемная мать начала бояться его без всяких причин, вздрагивала, когда он входил в комнату, не позволяла себя обнять. Если он был рядом, старалась с ним не разговаривать и всячески обходила стороной. Он не придавал значения такому поведению, понимая, что армия его действительно изменила. И при условии, что он помнит далеко не все, можно было сделать вывод, что произошедшее там когда-нибудь вскрыется ночным кошмаром. Но пока он полностью контролировал свои эмоции – красный туман, который всегда застилал взгляд, стоило взять в руки оружие. Полностью контролировал – до момента, когда прикоснулся к Энн. Пока они мчались по вечернему полупустому шоссе, пока ее пальцы все настойчивее впивались в его ремень, дразня и пытаясь проникнуть дальше, он думал о том, что впервые в жизни рядом с женщиной почувствовал ту же первобытной мощи эмоцию, которой отдавался на войне.

Аксель купил еды навынос, поднялся к себе и рухнул на диван, безуспешно пытаясь успокоиться. Ему стоило пойти в душ, смыть с себя этот день и перестать думать о рыжево-

лосой чертовке, но вместо этого он крутил в руках телефон и думал, не написать ли ей пару сообщений. Останавливало только то, что Энн ему номера не давала.

Телефон зазвонил, и детектив уронил его от неожиданности. Но аппарат не разбился и продолжил звонить с пола. На экране отразилось имя – Марк Карлин. Просто так этот прохвост в выходной звонить не станет. Грин поднял аппарат, сел на диван и нажал на кнопку «ответить».

– Аксель, – судя по голосу, Карлин был в шоке, – он снова убил. Срочно... господи, срочно приезжай.

– Куда?

– Ко мне домой.

10. Сара Опервальд

Весна 1981 года

Треверберг

Нарочито легкой и уверенной походкой тридцатисемилетняя Сара Опервальд шла по длинному коридору тревербергского детского дома. Документы на усыновление нянечка, отдавшая этому месту пятнадцать лет своей жизни, отнесла три месяца назад. С ней долго разговаривали в попытке выяснить, не материальными ли благами продиктовано это желание. Но в итоге поняли, что городская субсидия здесь ни при чем. У Сары родилось два мертвых ребенка. Муж погиб в чудовищной и бессмысленной аварии. Десять лет она жила только своей работой и детьми, которые ее окружали. А с этим мальчиком, которого привезли в дом скорби ровно десять лет назад, у нее возник особенный контакт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.